

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ / POETRY

Диминутивы в словотворчестве современных поэтов

Л. В. Зубова

Diminutives in word creation of modern poets

L. V. Zubova

Людмила Владимировна Зубова – доктор филологических наук, профессор; Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

E-mail: l-zubova@yandex.ru

Статья поступила: 03.03.2025. Принята к печати: 25.03.2025.

Liudmila V. Zubova – Dr. Sci. in Philology, Professor; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5616-8409

Received: 03.03.2025. Accepted for publication: 25.03.2025.

В статье на примерах из поэзии 70 авторов (А. Кондратова, В. Сосноры, Г. Сапгира, Д. А. Пригова, О. Юрьева, П. Барсковой, В. Павловой, Л. Лосева, В. Гандельсмана, А. Левина, В. Строчкова и др.) анализируются некоторые особенности употребления диминутивов, преимущественно экспрессивных неузуальных в русской поэзии второй половины XX – первой четверти XXI вв. Рассматриваются такие аспекты, как концептуализация категории в поэтике литературно-художественной группы «митьки», роль диминутивов в композиции текстов, их концентрация и вхождение в словообразовательные пары и гнезда, что актуализирует производность бывших и современных диминутивов и напоминает забытые связи между словами. Анализируются расширение лексического состава категории (потенциальные диминутивы и авторские неологизмы), лексико-семантические преобразования, структурные особенности (обратное словообразование, редупликация и автономное употребление диминутивных аффиксов), фонетическое и графическое усиление экспрессии (удлинение и редукция слов, подражание чужой речи, употребление орфографических архаизмов, присоединение уменьшительных суффиксов к старославянизмам). Отмечается влияние рифмы на употребление диминутивов, в частности, на авторскую неологию и на контекстуальное представление словообразовательных моделей. Исследование показало, что в поэзии начиная со второй половины XX в. до нашего времени с ее активным словотворчеством репертуар диминутивов, их функции, стилистика и структура гораздо разнообразнее, чем в узальном употреблении. В значительной степени это связано с тем, что для поэзии характерны фонетические и структурные повторы, в том числе корневые, словообразовательные и синтаксические. Такие повторы, часто основанные на рифменной аттракции, способствуют контекстуальной актуализации словообразовательных гнезд, типов и моделей. Употребление диминутивов в современной поэзии во многих случаях осуществляет эстетическую функцию языка. Диминутивная неология часто становится основой языковой игры, особенно в стихотворениях для детей.

The paper explores distinctive features of diminutive usage – particularly expressive and unconventional forms – in Russian poetry from the second half of the 20th century through the first quarter of the 21st century drawing on examples from the works of 70 poets, including A. Kondratov, V. Sosnora, G. Sapgir, D. A. Prigov, O. Yuryev, P. Barskova, V. Pavlova, L. Losev, V. Gandelsman, A. Levin, V. Storchkov, etc. It examines the conceptualization of diminutives within the poetics of the literary and artistic group “mit’ki”, the role of diminutives in textual composition, their clustering and frequency in word-formation pairs and nests, which highlights the derivational relationships between traditional and contemporary diminutives and revives forgotten lexical connections. The study also considers the expansion of the lexical scope of diminutives, including potential diminutives and authorial neologisms, as well as their lexical and semantic transformations. Structural features such as reverse word formation, reduplication, and the autonomous use of diminutive affixes are discussed alongside phonetic and graphic means of expressive enhancement – such as word lengthening and shortening, imitation of others’ speech, use of orthographic archaisms, and the addition of diminutive suffixes to Old Slavonic roots. The influence of rhyme on diminutive usage is also highlighted, particularly regarding authorial neologisms and the contextual presentation of word-formation models. The study demonstrates that in poetry from the second half of the 20th century to the present day with its active word creation, the repertoire of diminutives, their functions, style and structure are much more diverse than their everyday linguistic use. This development is largely attributed to the characteristic phonetic and structural repetitions in poetry – including root, word-formation, and syntactic repetitions – that, often driven by rhyme, facilitate the contextual activation of word-formation nests, types, and models. In modern poetry, diminutives frequently serve an aesthetic function, with diminutive neologisms forming a foundation for linguistic play, especially in children’s poetry.

Ключевые слова: лингвистика, поэтика, стилистика, словообразование, диминутивы

Keywords: linguistics, poetics, stylistics, word formation, diminutives

УДК 82.1:81'42:811.161.1

OECD: 6.02UT+6.02QD+6.02OY

V

Постановка проблемы. Поскольку в поэтических текстах наиболее отчетливо и многообразно проявляется эстетическая функция языка (внимание к языковым единицам и категориям), поэзия является своеобразной лингвистической лабораторией, исследующей и показывающей свойства этих единиц и категорий – как реализованных

в практическом языке, так и потенциальных. Экспрессивность диминутивов во всем обширном спектре эмотивности и прагматики¹ и экспрессивность поэтического высказывания соприродны по своей сущности. Кроме того, употребление экспрессивных диминутивов относится к личной сфере человека [Апресян, 1995, с. 146], обнаруживая его субъективное восприятие действительности, что тоже органично для поэзии.

Поэтому исследование стилистики, семантики, структуры и прагматики диминутивов в поэтических контекстах позволяет многое почувствовать и понять в содержании самой категории. Более всего это относится к той современной поэзии (со второй половины XX века до нашего времени), которая, избегая речевого и литературного стандарта, ориентируется на творческое отношение к языку. Хорошо известно, что экспрессивные элементы языка от частого употребления ослабляют и теряют свою выразительность и требуют обновления: «Чтобы быть экспрессивным, слово должно быть непривычным, необычным, нерегулярным» [Фуфаева, 2020, с. 14]. Такое обновление активно проявляется в современной поэзии.

Задачами этой статьи являются фиксация и анализ следующих явлений: 1. Концептуализация диминутивности; 2. Роль диминутивной лексики в композиции текстов, стилистика; 3. Словообразовательные пары и гнезда с диминутивами; 4. Расширение лексического состава категории; 5. Лексико-семантические преобразования диминутивов; 6. Структура диминутивов; 7. Фонетическое и графическое усиление экспрессии; 8. Влияние рифмы на употребление диминутивов.

История вопроса. Научная литература о диминутивах в структурном, семантическом, стилистическом, коммуникативном, социолингвистическом, гендерном, типологическом, историко-лингвистическом аспектах весьма обширна, с разной степенью подробности она представлена во многих диссертациях, монографиях и статьях², например: [Крючкова, 2000; Крамкова, 2001; Шмелева, 2012; Фуфаева, 2020].

Орфографические варианты термина – *диминутив* и *деминутив* – обсуждаются в исследованиях: [Крамкова, 2001 (аргументы в пользу буквы «е»); Шмелева, 2009 (аргументы в пользу «и»)].

¹ С помощью диминутивов заискивают и жалеют, выражают презрение и нежность, подчеркивают свою скромность и принижают собеседника [Фуфаева, 2020, с. 14].

² В разделе «История вопроса» приводятся примеры только наиболее поздних работ, так как в них зафиксированы публикации, которые не могли быть отражены в предшествующих исследованиях.

Дискуссия о грамматическом или словообразовательном статусе диминутивов представлена в статьях: [Воейкова, 2013; Лысакова, Комцян, 2022; Огольцева, Чжоу, 2023].

Функционирование диминутивов в русской художественной литературе рассматривалось на материале литературы XIX в. [Буряковская, Звонарева, 2010]¹ и современной художественной прозы [Крамкова, 2001]². Тематами специальных работ были диминутивы в произведениях А. С. Пушкина [Цепова 1993], Н. В. Гоголя [Рутковская, Крапивная, 2015], И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского [Федорова, 2018], А. В. Кольцова [Жияков, 1968], А. П. Чехова [Эльвия, 2013], М. Горького [Свободова, 1992], Л. М. Леонова [Бровко, 2000], В. М. Шукшина [Морозов, 1994; Воронина, 2012], Т. М. Белозерова [Бутакова, 1997].

Специальные исследования о диминутивах в поэзии середины XX в. – первой четверти XXI в. нами не найдены, несмотря на долгие поиски. Встретились лишь небольшие фрагменты в составе работ на более широкие темы. В частности, приводятся примеры из творчества Б. Окуджавы [Виноградова, Петрова, 2015, с. 419–425], В. Сосноры, Г. Сапгира, Я. Сатуновского, В. Кривулина, С. Стратановского, А. Миронова [Соколова, 2019, с. 242–245]. В центре внимания этих исследователей в большинстве случаев были функции узуальных диминутивов.

В предлагаемой статье представлены наблюдения над преимущественно нестандартными диминутивами в поэзии середины XX – первой четверти XXI в. Внимание направлено на роль диминутивов в композиции текстов, на деривационные и семантические аспекты употребления диминутивов.

Методология и методика исследования. Методология исследования основана на совмещении лингвистического подхода к текстам с литературоведческим. Применяются описательный и аналитический методы исследования. При анализе материала учитываются и синхрония, и диахрония языковых единиц. Используются следующие методы: сбор материала, его систематизация и анализ. Принцип систематизации и, соответственно, структура статьи основаны на приемах поэтической выразительности, связанных с употреблением диминутивов разных частей речи, разных словообразовательных типов и разной прагматики.

Анализ материала.

Концептуализация диминутивности. Несмотря на большое внимание лингвистов, писателей, журналистов и многих других носителей русского языка к диминутивам, эта категория продолжает вызывать интерес, и всегда будет его вызывать, потому что в этой категории по-разному, иногда весьма причудливо, совмещены и переплетены логическое (указание на малый размер), эмоциональное (любование, восхищение, пренебрежение, уничижение и др.), социальное (например, слова, обращенные к детям, животным, общение в сфере обслуживания) и прагматическое (от установки на неформальность общения, эмпатию, деликатность до языковой манипуляции и речевой агрессии). Кроме того, «...эмоции, выражаемые

¹ В статье анализируются примеры из произведений А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, С. Есенина.

² Источники исследования: В. П. Астафьев, Ю. В. Бондарев, П. Л. Проскурин, В. Г. Попов, А. Б. Маринина и др.

уменьшительными образованиями, могут быть достаточно индивидуальными и контекстными» [Виноградова, Петрова, 2015, с. 416].

Прежде всего, обратим внимание на то, что в культуре последней четверти XX века возникло литературно-художественное движение «митьки», в котором сама категория диминутивности стала концептом – основой и языковой доминантой карнавализованного поведения. Это движение появилось в Ленинграде в 1984 г., оно культивировало образ «бородатого “симпатичного шалопа” в тельняшке и шапке-ушанке, главной задачей которого являлось полускрытое пародирование действительности под видом одобрения и восхищения. <...> Лексика митьков также подчинена основным художественным и общественным целям движения. Основной ее чертой является частотное употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, что показывает нежелание митька серьезно воспринимать окружающую действительность. <...> Литературные произведения митьков строятся на противопоставлении злобной толпы и одинокого добра, которое воплощается в образе самого же митька» [Шавыра, 2014]. Установка митьков на уменьшительно-ласкательные формы в коммуникации отражена даже в Википедии.

В. Н. Шинкарев пишет: «О новых направлениях в лексике митьков можно сказать немного, ибо она развивается столь стремительно, что мудрено предсказать. Как мы знаем, для речи митьков характерно употребление ласкательных суффиксов и мощный драматизм. Первый фактор помогает избежать сухости и суровости, второй – ханжеского, елейного оттенка речи в стиле Иудушки Головлева.

Не так давно ласкательные суффиксы употреблялись только в существительных и прилагательных, например:

– Где оттягивался вчера?

– В Паркушке Победушки.

Или, поскольку речь идёт о культуре:

– Какой фестивальнй фильм убойнее?

– “Гибелюшечка боженок” Висконтьюшечки (здесь восхищает смелая ломка общего угрожающего смысла названия фильма).

Однако язык митьков, как и было сказано, не стоит на месте. Недавно на вопрос, какой фестивальнй фильмушко самый улётный (читатель, полагаю догадывается о тонком различии между “улётном”, “обсадом”), Дмитрий Шагин дал ответ: “А кораблюшечки плыветушки”.

(Попутно отметим, как приятен здесь “кораблюшечка” вместо набившего оскомину банального “кораблика”). Ныне ласкательные суффиксы появились также у глаголов, причем у всех глаголов (из редких зарниц митьковской лексики: “А не пора ли нам спатиньки?” Другого примера уже, пожалуй, и нет).

Можно смело предсказать, что вскоре ласкательные суффиксы появятся также у местоимений, деепричастий и герундиев» [Шинкарев, 1999].

В стихотворениях участников этой группы диминутивов, впрочем, не так много, как в коммуникации между ними. Вот некоторые образцы:

Одинокий ветеранушка,
На груди его баянушка –

Пилит по проспекту Маклина
Отрешенно так, не матерно.
(Дмитрий Шагин. «Одиноким ветеранушка»)¹;

Эх, полным-полна **коробушка**,
Есть в ней тельник-телогрей
Да пшеничный **беломорушко**
И мешочек сухарей.
(Дмитрий Шагин. «Коробушка»)²;

Богоносцу плевать на **Икарушки** вой –
Он ведь занят важной работой.
Солнце дарит земле полуденный зной,
Кораблюшка плывет за деньгой.
А у **Икарушки** бедного,
Всеми **братками** забытого,
Одни только белые **ножки** торчат
Из холодной зеленой воды.
(Дмитрий Шагин. «Икарушка»)³;

девочка кушала **курочку**
счет потерявшую дням
зубки сдирали **кожурочку**
губки шептали «ням-ням»...
после **стаканчика** с **водочкой**
курочки сладко **мясцо**
девочка с сальной **мордочкой**
сипло пропела: «чес-со, сильная, бля-бу, курятина!»
ротик пахнул **чесночком**
и поглядев всепрощательно
девочка пала ничком...
(Михаил Сапего. «девочка кушала курочку...»)⁴.

Роль диминутивной лексики в композиции текстов. Стилистика. Далее рассмотрим некоторые стилистически и прагматически различные примеры с концентрацией диминутивов. Многие стихотворения современных поэтов перенасыщены диминутивами, при этом смысл такой концентрации и стилистика текстов очень различны.

В стихотворении Евгения Клюева из цикла «Анкета» серия диминутивов отчетливо соотнесена с темой продолжающегося детства как основы поэтического дара. Автор отстаивает позицию «поэт – дитя»:

¹ [Шагин, 1999а].

² [Шагин, 1999б].

³ [Шагин, 1999в].

⁴ [Сапего, 1999].

У меня была жизнь книжного мальчика
и остаётся жизнь книжного мальчика:
она спрятана где-то на дне **портфельчика**,
а **портфельчик** заброшен на дно **подвальчика**.

У меня будет смерть книжного мальчика —
лёгкая смерть книжного мальчика:
вынул **Боженька дудочку** из **чехольчика**
и опять спрятал **дудочку** в глубь **чехольчика**.
(Евгений Клюев. «Имя, отчество, фамилия»)¹.

А в следующем тексте с диминутивами из детско-родительского дискурса представлен стиль речи крайне раздраженного и рассерженного человека:

Вставьте мне в **сердечко звёздочку, звёздочку**,
Вместо **ушек** вставьте ракушки, ракушки,
А вместо **глазок** — **шарики, шарики**,
Вместо **брючек** дайте **штаники, штаники**,
Положите меня в **ясельки, в ясельки**,
Чтобы я лежал бы в **люлечке, в люлечке**
И пускал из носа **сопельки, сопельки**,
Издавая при этом **вопельки, вопельки**.
А потом постройте радугу, радугу,
Чтоб по ней бежали **гномики, гномики**
Чтобы в ней бы жили **кошечки, кошечки**,
И кормите меня **с ложечки, с ложечки**.
Но вы этого не можете, не можете.
Ну так что ж вы блядь меня не уничтожите?
(Шиш Брянский. «Вставьте мне в сердечко звёздочку, звёздочку...»)².

Здесь почти все диминутивы выражают резкий протест против неприятия индивидуальности человека, не соответствующей социальному стандарту. Удвоение уменьшительных слов, напоминающее эхоталию, истерично. Единственный диминутив, не типичный для детоориентированной коммуникации — *вопельки*, и он больше всех других выражает отчаяние взрослого человека, которого пытаются воспитывать, чтобы он был как все. Набор диминутивов как бы из чужой речи и, соответственно, из чужой картины мира, завершается прямой грубостью в последней строке. Собственно, все ласковые слова в этом тексте предстают средством языковой агрессии автора-персонажа, в ответ на агрессию советчиков, описанную И. В. Фуфаевой: «...ситуации заботы граничат с иерархическими ситуациями опеки и доминирования “метафорического родителя” над “метафорическим ребенком” <...> показатель формальной ласкательности сообщает о том, что ее объект не имеет прав взрослого человека, подобно ребенку» [Фуфаева, 2020, с. 137].

¹ [Клюев, 2008, с. 21].

² [Шиш Брянский, 2001, с. 14].

Поток авторских диминутивов-прилагательных и причастий в большом стихотворении А. Левина (цитирую только две строфы) тоже создает агрессивную речь:

Достали!

: **лояльненькие, жизнерадостненькие,**
сексуально озабоченненькие
 : **нелояльненькие, угрюмененькие,**
 социально **озабоченненькие**

Достали!

: **суровенько-кровавенько-жертвенные,**
христосенькие, моисеенькие,
буддены какие-нибудь
 : **нелояльненькие, угрюмененькие,**
 социально **озабоченненькие**
 (Александр Левин. «Достали!»)¹.

Стилистика причитания хорошо заметна у М. Гронаса:

Ох проколота моя **лодочка**
 в двух местах ядовитой **иголочкой**
 водички не вычерпать **ковшиком**
 не унять уговорами **штормика**
 не нанять удаłego **матросика**
 чтобы вывел на сухонький **бережек** –
 нет таких **денежек**
 (Михаил Гронас. «Ох проколота моя лодочка... »)².

Линор Горалик пародирует «гастрономические диминутивы»³:

Это **яблочко** с **кровоточинкой**;
 нам **сырку** бы, **сырочку**, девушка,
половиночку, сиречь, **булочки**
полбутылочки против **белочки**,
огуречик посола нежного
в присюсюканной грязной **баночке**,
 в блядской **колбочке** с нижней **полочки**;
 это будет такая **нычечка**,
 в денном ужасе что ли **точечка**,
 от которого лишь **чк чк**
ччк чк, ч чк чк.
 (Линор Горалик «Это яблочко с кровоточинкой...»)⁴.

¹ [Левин, 1995, с. 204–205].

² [Гронас, 2002, с. 47].

³ Термин В. Г. Гака [Гак, 2000].

⁴ [Горалик, 2019, с. 29].

Слово *кровоточинка* предстает здесь субститутотом слова *червоточинка*, слово *белочка* – жаргонизмом сочетания *белая горячка*.

В текст включен элемент языковой рефлексии: слово *присюсюканной*.

Языковая рефлексия с сарказмом неприятия уменьшительно-ласкательных форм, типичных для публицистического дискурса, отражена и в стихотворении Льва Лосева:

Задавши студиозусам урок,
берем газету (глупая привычка).
Ага, **стишки**. Конечно, «**уголок**»,
«**колонка**» или, **сю-сю-сю**, «**страничка**».
(Лев Лосев. «Один день Льва Владимировича»)¹.

У Александра Кондратова есть стихотворение, почти полностью состоящее из диминутивов:

Вагончик. Диванчик.
Попутчик-пузанчик.
/валютчик-кабанчик/.
Графинчик. Мерзавчик.

Чик-чик разговорчик, –
чик-чик под стаканчик...
Попутчик-лазутчик,
мерзавчик-доносчик!

Квартальчик. Допросчик.
... Поручик – леденчик!...
Таланчик-купончик.
Вагончик-
чик!
КОНЧИК.

(Александр Кондратов. «Обличительное»)².

Это стихотворение входит в цикл «Некраски», о котором М. Г. Павловец пишет: «...Кондратов обыгрывает свойственные стиху Некрасова дактилические клаузулы, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов и т. п., что создает образ некрасовского художественного мира» [Павловец, 2025, с. 152].

Звуковой комплекс *-чик-* в этом тексте выступает то как диминутивный суффикс предметной лексики, то как суффикс слов со значением лица, не являющихся диминутивами. И этот комплекс эпифорически повторяется почти во всех строках – кроме строки *вагон-* при разделении на части слова *вагончик*, что еще больше подчеркивает его значимость. В предпоследней строке суффикс *-чик-* приобретает автономность, преобразуется в междометие и сопровождается восклицательным знаком.

¹ [Лосев, 2012, с. 166].

² [Кондратов, 1980, с. 246]. Другой вариант под названием «Обличительная некраска»: [Кондратов, 2015, с. 297].

В первой строке обозначены положительные эмоции: *диванчик* как признак уюта, *вагончик* как предвкушение, по-видимому, приятного путешествия. *Попутчик-пузанчик* тоже сначала кажется симпатичным. Затем дружелюбное любопытство пассажира постепенно сменяется возрастающей тревогой: во-первых, оказывается, что попутчик занимается преступной деятельностью, во-вторых, слово *кабанчик* указывает не столько на внешний вид грузного мужчины, сколько на потенциальную угрозу, смягченную диминутивом. Кроме того, примем к сведению, что в уголовном жаргоне *кабанчик* – ‘продуктовая передача с воли’¹ и, более позднее значение, ‘разбогатевший бизнесмен, жертва бандитов’².

Имплиcitный смысл строки *Графинчик. Мерзавчик* сообщает о некотором успокоении в совместном питье алкоголя, но здесь важна омонимия слова *мерзавчик*. Его разговорное значение ‘бутылка водки, коньяка и т. п. малой емкости’ [Крысин, 2017, с. 276] (размерный диминутив в метафоре) совмещено с инвективным, но смягченным обозначением опасного попутчика (экспрессивный диминутив). Дальше попутчик назван мерзавчиком-доносчиком. Если в общеупотребительном разговорном языке *мерзавец* – ругательство относительно широкого значения ‘мерзкий, подлый человек, негодяй’ [Крысин, 2017, с. 275], то в уголовном мире оно применимо именно к доносчику³.

Существенно, что не завершенное сочетание *по стаканчик...* иконично в изображении речи опьяневшего человека.

Звуковой комплекс *чик* приобретает автономность на протяжении текста, и в этом можно видеть одно из проявлений распада речи, этот комплекс удваивается, а затем становится одиночным самостоятельным словом, весьма полисемантическим. Во-первых, это междометие, образованное от глагола *чикнуть* ‘отрезать, зарезать, застрелить’⁴. Во-вторых, это жаргонное название карточной игры в XIX в.: «Во все века и во всех государствах игра сия именовалась Преферансом; впрочем, называют её ещё Преферо, Префер, Преферансик или Преферанчик, а иногда и просто **Чик-Чик**, но сие последнее мало употребительно» (П. Ремизов. «Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс»)⁵. В поезде соседи нередко играют в карты. А карточная

¹ **КАБАН, КАБАНЧИК** – продовольственная передача, которую родственники передают заключенному в камеру СИЗО (см.), на крытку (см.) и в другие пенитенциарные учреждения. Слова употребляются с начала 1930-х годов в местах лишения свободы на всей территории бывшего СССР [Зугумов, 2015, с. 247].

² **КАБАНЧИК**, -а, м. Руководитель фирмы, которой покровительствуют бандиты и помогают ей богатеть; через определённое время его убивают, а фирму разоряют [Грачев, 2003, с. 373].

³ **МЕРЗАВЧИК**², -а, м. Общественник в ИТУ [Грачев, 2003, с. 537].

⁴ **ЧИК**, междом. 1. Употребляется звукоподражательно для обозначения короткого, отрывистого щелчка, треска, лязга и т. п. <...> 2. в знач. сказ. Разг. Употребляется по значению глаголов: *чикать* и *чикнуть* [Евгеньева, 1988, с. 676–677].

⁵ «Отеч. записки» 1843, т. XXVII, № 4 (ценз. разр. около 30/III), отд. VI, с. 49–50. Из примечаний к рецензии В. Г. Белинского на эту книгу: «Белинский в сороковых годах очень увлекался игрой в преферанс. Чтобы доставить удовольствие Белинскому, А. Я. Кульчицкий, большой его приятель, скрывшись под псевдонимом «кандидат П. Ремизов», написал брошюрку под заглавием: “Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс”, в которой, по словам К. Д. Кавелина, увековечил “те сцены великого комизма”, которые происходили в кружке во время этих игр в преферанс» [Белинский, 1955].

игра на деньги сопряжена с риском. С картами связано и слово *таланчик*: выражение *талан на майдан* на воровском жаргоне означает приветствие игроков в карты¹.

Слово *купончик*, возможно, указывает на фразеологизм *стричь купоны*².

О карточной игре как семиотическом факте писал Ю. М. Лотман: «... азартная игра воспринималась как модель и социального мира, и универсума <...> Игра становилась столкновением с силой мощной и иррациональной, зачастую осмысляемой как демоническая. <...> Отождествление игры с убийством, самоубийством, гибелью <...>, а противника – с inferнальными силами <...> связано с интерпретацией случайного как хаотического, деструктивного, сферы энтропии – зла» [Лотман, 1995, с. 787, 798, 812].

В финальное слово *кончик*, выделенное прописными буквами, анаграмматически входит часть *кон*, а это один из терминов карточной игры – ‘середина карточного стола’ (*бросить всё на кон* – ‘рискнуть’).

Словообразовательные пары и гнезда с диминутивами. Поэты часто включают в контексты словообразовательные пары и гнезда с современными или бывшими диминутивами, тем самым актуализируя их производность и напоминая забытую внутреннюю форму слов.

Так, например, происходит при этимологическом сближении диминутивов с их производящими словами:

В кресле шатучем, **руки на ручки**,
В пледе – как в отпуску,
Ежась от мороза,
От щиколоток до скул,
Как два дня до полочки,
Вся я себе заноза.
(Мария Степанова. «В кресле шатучем, руки на ручки...»)³;

И **ряска рясой** золотой
Мерцает, как бы под водой
эфирной ткани темноты
В пруду, где молятся кусты
Небес изображенью –
Воды воображенью.
(Олег Охупкин. «Какое счастье слушать мир...»)⁴;

Летает маленькая **пыль**,
желая выглядеть **пыльцой**,
ствола используя костыль,
клён побирается листвою
(Виталий Кальпиди. «Неблагодарность»)⁵.

¹ **ТАЛАН НА МАЙДАН** – приветствие подошедшего играющим в карты, кости, означающее “счастье на карту” <...> – *Талан на майдан! – желает арестант играющему в карты товарищу. – Шайтан на гайтан! – шуточно отвечает этот <...> – talan – “грабёж” + maida; возм. и от рус. талан – “счастье”* [Грачев, 2003, с. 894].

² ...**стричь купоны** <**бабки, бабло, бабосы, капусту** и т. п.> (*жарг., неодобр.*) – <...> 2) с кого – получать с кого-л. прибыль, обычно незаконным путем [Крысин, 2021, с. 359].

³ [Степанова, 2017, с. 113].

⁴ [Охупкин, 2014, с. 23].

⁵ [Кальпиди, 2015, с. 142].

В кармане молодость и **шпильки**,
вспоминания, знакомства...
А вне карманов – только **шпили**,
Нева, да петербуржье солнце.
(Наталия Антонова. «Подумаешь, какая блажь!...»)¹;

От меня останется **порошок**.
Я венец не требую золотой,
Оттого – не всё ли мне хорошо?
Благодарен, значит, будь и за то,
Что коснулся малого божества
И тобой набросаны десять строк...
Но тебе подарены – все слова,
Даже если **голос** твой – **голосок**.
(Сергей Королев. «Где твой сын? и дерево где твоё?..»)²;

Если **лоб** невысок, внутри неглубок,
Взлётной площадкой Пегасу служит **лобок**.
Стих стартовал, споткнувшись слегка на взлёте.
Ложе, смятое вдрызг, вздрыг оголённых ног.
Это не страшно, если хромает слог.
Здесь отступает мозг под напором плоти.
(Нина Савушкина. «Рецепт»)³;

Мы, Хаммурапи, царь Вавилонии, лично,
диалектику учили не по Гегелю, а по табличкам.
И выучили на отлично.

Око за око. Очко за очко. В очко и в козла.
Ответ за козла по ту сторону добра и зла.
(Владимир Строчков. «Закон отрицаловки отрицаловки»)⁴.

В последнем тексте представлены разные значения бывшего диминутива *очко* от *око*: 'единица счета для обозначения количества выигрышей', 'карточная игра', 'обман' (из фразеологизма *втереть очки*).

В другом стихотворении В. Строчкова есть имплицитное сопоставление слов *око* и *очко* – сравнение *а глаза – как два очка*:

Вечер, поле, автомо-
бильная дорога.
Сердце ноет от того,
что в душе берлога,

¹ [Антонова, 1991, с. 34].

² [Королев, 2011, с. 41].

³ [Савушкина, 2015, с. 168].

⁴ [Строчков, 2006, с. 37].

а в берлоге никого,
только вонь подлога,
а глаза – как два очка,
а косить под дурачка
еще много, много...
(Владимир Строчков. «Цыганочка с выходом»)¹.

Здесь, вероятнее всего, слово *очко* употреблено в значении ‘отверстие в уборной’.
Сильным выразительным средством является эксплицированное
противопоставление диминутива и его производящему слову:

Зритель прыскает в кулачок, словно снимает стружку.
Шут с тобою, коль под тобою трон.
Будь я последним в мире, я б ко двору приходился **Петрушкой**,
будь я первым – **Петром**.
(Юлия Скородумова. «Цирк»)²;

И здесь, куда — за половодьем
Тех лет — спешил ты босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сыном...
<...>
Ты здесь, **сынок**, но ты нездешний,
Какой тебе еще резон,
Когда родитель твой в кромешный,
В тот самый список занесен.
(Александр Твардовский. «По праву памяти»)³.

Во фрагменте из поэмы А. Твардовского словоформа *сыном* сначала предстает
инвективой из политической риторики, предшествующей репрессиям. А затем,
в авторской речи, слову *сынок* возвращается позитивная стилистика диминутива.

Некоторые примеры вхождения диминутивов в словообразовательные гнезда:

Рифма, резвая старушка,
бабочка моя без глаз,
люминозная гнилушка,
душенька, душонка, душка,
недопсюха и психушка,
чушь, чухня, херня и чушка,
дрянь, дурында, побрякушка,
всемдала и богувушка,
золотая побирушка...
Что ж тебя заело, дружка?
Надо выпить? Где же кружка?

¹ [Строчков, 2006, с. 456–457].

² [Скородумова, 1993, с. 9].

³ [Твардовский, 1987, с. 194].

Палка, треники, косушка?
И кроссовки адидас?
(Игорь Булатовский. «Рифма, резвая старушка...»)¹;

Как **былинка**,
дрожит **быличка**
и становится черной **былью**
(Михаил Яснов. «Присказка»)².

Расширение лексического состава категории. Неология. Во многих текстах можно видеть потенциальные диминутивы, образованные по продуктивным моделям деривации, но не типичные для узуса:

Вот они приходят молодые
Близкой мне гибели грозят
<...>
Я же **в нишке** маленькой сижу
И на них испуганно гляжу
Господи, где мне искать спасенья,
Может, ты мне скажешь, – Не скажу –
Он отвечает
(Дмитрий Александрович Пригов. «Вот они приходят молодые...»)³.

Маленькая всклокоченная **кикиморка**
Появилась на пороге.
В кудряшках морковка, капуста и лавровый лист.
Глазки блестят.
Лапки пританцовывают.
(Наталья Галкина. «Корабль»)⁴;

Судьба, знать, ей, голубушке,
стоять в тени аллеи;
на мраморной головушке
тьма мраморных кудрей.
И кроны-то кудрявые
шумят себе шумят,
а их стволы корявые
дриадушек таят.
(Наталья Галкина. «Судьба, знать, ей, голубушке... »)⁵.

Поэты часто образуют диминутивы и от тех слов, которые в норме и узусе не употребляются в уменьшительно-ласкательной форме:

¹ [Булатовский, 2019, с. 186].

² [Яснов, 1990, с. 22].

³ [Пригов, 1997, с. 157].

⁴ [Галкина, 1997, с. 85].

⁵ [Галкина, 2000, с. 51].

Небце синее косое
дурно глянется в меня
поделись-ка ты со мною
полстраною и коня
(Анна Горенко. «Небце синее косое... »)¹;

Моречко – паутинка,
ходящая на иголках, –
немножечко поутихло,
капельку поумолкло.
(Алексей Парщиков. «Землетрясение в бухте Цэ»)².

В таких случаях можно видеть стремление поэтов включить небо и море в личную сферу. Эти примеры очень наглядно подтверждают точку зрения М. А. Кронгауза, считающего, что одна из важных причин употребления диминутивов – «одомашнивание пространства» [Кронгауз, 2015].

Кстати, слово *морько* нередко встречается и в узусе, его часто можно встретить в социальных сетях. И. В. Фуфаева упоминает его, приводя примеры новых экспрессивных образований [Фуфаева, 2020, с. 40].

А в следующем примере рядом оказываются слова *небушко*³ и *нёбушко* (совершенно невозможное в практическом языке), что развивает традиционное в русской поэзии, начиная с XX века, взаимное уподобление неба и нёба (см. об этом уподоблении у О. Мандельштама, М. Цветаевой и других авторов: [Зубова, 2000, с. 72–75]).

небо **небушко** дай дожждаться его
небо **небушко нёбушко** дай дожждаться его
дай **нёбушку** дожждаться
языка его
дай почувствовать прежний вкус
языка его
пусть истерзанного
погаными
пусть израненного
но его
моего
(Екатерина Головина. «небо небушко дай дожждаться его... »)⁴.

У М. Щербакова встретилось грамматически двусмысленное слово *моренько*: его можно воспринимать и как существительное, и как безличный предикатив:

¹ [Горенко, 2000, с. 22].

² [Парщиков, 2018, с. 25].

³ И. В. Фуфаева упоминает слово *небушко* в таком контексте: «Денотатом ласкательного диминутива в русском языке может быть и не живое существо, а элемент ландшафта, окружающей среды, но воспринимается он также как нечто живое и родное, иногда как уязвимое, трогательное: *речка* (или *реченька*, *речушка*), *улочка* детства, *церквушка*, *рощица*, *полюшко*, *небушко* и т. д.» [Фуфаева, 2020, с. 87].

⁴ [Головина, 2006].

все в ресничках **моренько**,
И все на сердце душненько.
Ни шепота, ни отклика:
Чего ж ты хочешь, душенька?
(Михаил Щербаков. «Душенька»)¹.

Вероятно, это своеобразная метафора-гипербола состояния 'в слезах' и паронимическая аттракция с имплицитной рифмой *мокрененько*².

В норме и узусе не употребляются диминутивы слов *звук*, *рифма*, особенно важные для личной сферы поэтов. Соответственно, появляются такие контексты:

Младенец, полный молока,
Похожий на кувшин
Твоя мышиная рука
Касается вершин,
Мерцает нежная башка,
Как ночью – апельсин.
<...>
Нельзя с повинною главой,
Как пес – следы в крови,
Затылок теплый нюхать твой
И плакать от любви.
Нельзя вылавливать во тьме
То очерк, то **звучок**...
Нельзя тебе так верить мне.
Никто не должен верить мне.
Ты слышишь, дурачок?
(Полина Барскова. «Прогулки по Монтеррею»)³;

Мне хотелось хотя бы **звучка**. Я согласен уж был с провансальским журчащим наречьем, но мягко дышали парковые недра
(Валерий Нугатов. «Гибель императора»)⁴.

Он считает нотки, лохматый маленький обормотка,
я его сейчас запишу, интересно, как это понравится малышу.
А музыка, это настоящие белые нитки, иногда скрип калитки,
потом топоток, горящий восток, горизонта штучка, балетная пачка.
Он играет **звучки**, у лягушек вместо языков смычки,
а у цапель на голове скальпель. Не острый, так просто.
(Давид Паташинский. «пианинка»)⁵;

¹ [Щербаков, 1990, с. 21].

² Ср. разговорное произношение *быренько* вместо *быстренько*.

³ [Барскова, 2018, с. 152–153].

⁴ [Нугатов, 2000, с. 3].

⁵ [Паташинский, 2008, с. 353].

Г о в о р и т н а р о д (п р и п л я с ы в а я)

Эх тупое-раступое баловство!

Мы копнули, а там нету ничаво!

Всё там держится на **рифомке** одной!

Оловянной – конопляной – шерстяной!

Жестяной!

(Елена Ванеян. «Нарушенная последовательность. «Поэма-конспект»)¹.

У Андрея Вознесенского употребляется диминутив геометрического термина в контексте с изображением ребенка:

как утра хрустальны летние,

как чисто у речки бисерной

дочурка твоя трехлетняя

писает **по биссектриске!**

(Андрей Вознесенский. «Возвращение в Сигулду»)².

В следующих примерах диминутивы от слов, не образующих в узусе уменьшительно-ласкательных форм, являются средствами олицетворения:

Холодно. Выпал первый снег.

Мерзнущий малыш спрашивает – какое сегодня число.

Ну что, ответить ему?

«**Сентябрик**, тебе осталось жить два дня».

(Ольга Зондберг. «Холодно. Выпал первый снег... »)³;

Январчик дождливый

Сморкается громко

Плывет по проспекту

Кораблик газетный

Товарищ заветный

Промокший ботинок

Рисует узоры

На чистом паркете

В квартире чужой

И ему хоть бы что!

(А. Ник. «Январчик дождливый... »)⁴.

Олицетворение поддерживается обращением в первом тексте из этой пары и метафорой *сморкается* во втором.

Большое количество примеров связано с образованием диминутивов абстрактной лексики:

¹ [Ванеян, 2018, с. 68].

² [Вознесенский, 1964, с. 18].

³ [Зондберг, 1997, с. 20].

⁴ [Ник, 1997, с. 549].

Такой **страшок** сидит в затылке.
Мурашки топчут словно звери.
Я ковыряюсь в пицце вилкой
И ощущаю страх потери.
(Рома Воронежский. «Страх потери »)¹.

Попутно отметим, что слово *мурашки* ‘телесное ощущение покалывания, пощипывания’, в практической речи утратившее образную связь со словом *муравьи*, и, соответственно, диминутивность, восстанавливает в этом контексте внутреннюю форму предикатом *топчут*.

Другие примеры абстрактных диминутивов:

Горошинкою катится
по шее поцелуйчик.
Хорошенькое **счастьеце**,
любовька без колючек.
(Наталия Антонова. «Горошинкою катится.. »)²;

Вдоль по Неве – рубанок катерка,
И вслед за ним – блистающие стружки,

и над прудом срывается с крючка
серебряная **жизнечка** колюшки.
Дыхание – примерка башмачка.
(Владимир Гандельсман. «Там на Неве дом... »)³;

Чьи они, эти недоношенные верлибры?
Эти неустойчивые во времени
филологические пейзажи?
Эти волшебные **истинки**?
(Андрей Сен-Сеньков. «Тайная жизнь игрушечного пианино»)⁴;

За тобой-то что – **удачка**?
Атмосферная подачка?
Хокусаи трясогузка?
Ветром схваченная блузка?
«Маленький цветок» Беше?
Зубки на карандаше?
(Игорь Булатовский. «За тобой-то что – удачка? ... »)⁵;

¹ [Воронежский, 1998, с. 100].

² [Антонова, 1991, с. 59].

³ [Гандельсман, 1995, с. 19].

⁴ [Сен-Сеньков, 1997, с. 13].

⁵ [Булатовский, 2006, с. 54].

Встань, писатель, у ворот,
Как проситель на толкучке!
Посмотри, как жизнь идет –
Встречи разные, **разлучки**...
(Дмитрий Александрович Пригов. «Франц Кафка»)¹;

Укрыться в сон, куда не сунется
ни **смыслик** здравый, ни **безумьеце** (sic)
их пьяненькое, или **выгодца**,
лежать, не двигаться
(Владимир Гандельсман. «Дочь»)².

Кроме приведенных примеров авторских словообразовательных неологизмов (иногда они являются воспроизведением архаизмов, как *крышица*, *лимонец*), в современной поэзии встречаются и собственно лексические неологизмы-диминутивы, то есть такие, у которых ни в норме, ни в узусе нет производящего слова (симплекса):

Тогда – навыверт знания и зренья,
иссеклась мысль – во: в небо бьющий Нил.
Но **мутнышко** заядло в ней созрело, –
пузырь **безуминки**, и чуть: чернил.
(Дмитрий Бобышев. «Искушение творчеством»)³;

Тело мое наковальня.
И взял сердце **дрожальце** мое
отчаянным углем вывел
(как рвалось! как кричало!)
Изреки пророчество на Моав.
(Андрей Иконников-Галицкий. «Магер-Шелал-Хаш-Баз»)⁴;

Со гостей намыла грязные тарелочки,
Сполоснула проспиртованные рюмочки.
Поиграла с отражением в **ревелочки**,
Занялась самосожженьем «бабы-дурочки».
(Мария Ватутина. «Ночевка»)⁵.

Ах ты моя любименькая!
Но знаю издавна я:
ты **физенькая** и **хименькая**,
и очень составная.
(Сергей Петров. «Математик говорит»)⁶;

¹ [Пригов, 1996, с. 188].

² [Гандельсман, 2005, с. 235].

³ [Бобышев, 1992, с. 114].

⁴ [Иконников-Галицкий, 1995, с. 49].

⁵ [Ватутина, 2011, с. 32].

⁶ [Петров, 2008, с. 588].

падает кобылица в горы спиной, ровняя горы с землёй,
ни один китаи не пройдёт от глаз её до хвоста,
она танцует на сквозняках и дышит сквозь тростники,
выгибая пределы разуму и уму,
и нет её – есть одна улыбка земли, есть одна моя улыбка землёй,
девочка **чеширенькая** моя, я настолько больше тебя,
дай обниму, если смогу на ощупь, мои глаза
выцарапала весна,
сытая весна медленно выклевала меня
по крошке до, по крошке ре, по этой вашей проклятой
«крошке-картошке» до самого последнего дна.
(Екатерина Боярских. «Огненный цербер – кто-то идёт курить...»)¹.

Вот палуба и папиросы,
Да и попутный поднялся.
Вот Лорелея и Россия,
Вот Лета. Есть еще вопросы?
Но **обознатушки** какие,
Что **перепрятушки** нельзя.
(Сергей Гандлевский. «Еврейским блюдом угощала... »)²;

Опишу ли сей автобус,
сей на выручку спешащий?
Сей просторный, многоместный,
канареечного цвета?
<...>
Опишу ли, опишу ли,
Опишулечки мои!
(Александр Левин. «Опишу ли»)³.

Лексико-семантические преобразования диминутивов.

Делексикализация. Рассмотрим примеры делексикализации диминутивов – процесса, который связан с изменением лексического значения узуальных слов. Так, например, А. Левин изменяет прямое значение слова *полотенце* ‘полоса ткани для вытирания чего-л.’ на переносное значение ‘произведение живописи, картина’:

Радость тихая, простая.
Я засну сегодня быстро,
потому что есть питаться,
есть уснуть и есть лечиться,
потому что минус восемь –
это очень, очень поздно
жизнь менять, да быть иначе,
вылезая из пейзажа

¹ [Боярских, 2009, с. 34–35].

² [Гандлевский, 1995, с. 102].

³ [Левин, 2001, с. 10].

в натюрморт или в марину,
да в **батально полотенце**
(Александр Левин. «Стихи, написанные по дороге с работы в три приёма...»)¹.

Если слово *полотенце* в обычном словарном значении утратило уменьшительное значение, то в приведенном контексте уменьшительность очевидна, так как большую картину художника называют полотном.

В двух следующих примерах меняет значение слово *холодец*:

на морозце
подумать о существенном
о холодце
и – ли
о воздушном
пироге –

хрустит
полезности
наперекоркой
(Наталия Азарова. «На морозце... »)².

Ну он пришел, а там, того, они.
Кагор за шторкой, кружевной чулок.
Она такая, пальцем помани.
И этот привалился как сурок.
<...>
А между нас, как дать промежду глаз,
Какой-то странный движется **мороз**,
Как бы с утра сентябрь и первый в класс
И гладиолус в человеческий рост.

А те уже, а те еще в раю.
Лишь тусторонний этот **холодец**,
И сквозь него чужую как свою
Прижал и спит какой-то молодец.
<...>
Он был вот здесь, и весь он был как воск
Когда тогда приехал перевозк.
(Мария Степанова. «Муж»)³.

У Н. Азаровой слово *холодец* как название кулинарного блюда сопоставлено с диминутивом *морозец* того же словообразовательного типа и похожей семантикой основы, и это структурное и семантическое сходство вызывает представление о том, что слова *холодец* и *морозец* могли бы быть синонимами.

¹ [Левин, 2001, с. 135].

² [Азарова, 2006, с. 24].

³ [Степанова, 2001, с. 7].

Во фрагменте из стихотворения М. Степановой о ревнивом муже – убийце – слово *холодец* семантически двойственно. Соотнесенное со словом *мороз*, оно обозначает и холод загробного мира, и останки плоти как блюдо – в цинично-сниженной метафоре.

Пример со словоформой множественного числа *тельца́* из стихов В. Строчкова:

А в русле венозном цепочкой всплывают нули;
слипаясь, ничто образует обширные тромбы;
ширяют в крови эндорфины и адреналин,
мычат кровавые тельца́ на пути в гекатомбы.

(Владимир Строчков. «Промедол Про (эсхатологическое апокалипсо)»)¹.

В медицинском термине слово *тельца́* – диминутив от *теля́*, а у Строчкова в сочетании слово *тельца́* с предикатом *мычат* обозначает телят или быков (в ед. числе это архаический диминутив *телец*). При столкновении двух значений и слово *кровавые* семантически раздваивается, приобретая значение ‘наполненные кровью’.

Интересен пример со словами *сторожка* и *сторожок*:

Ищет кошка, где окошко,
Что ведёт её туда,
Где мышинная дорожка
Ниоткуда в никуда.

На зубах у ней **сторожка**,
Сторожок в её глазах.
Каждый шаг её – подножка,
Каждый жест внушает страх.
(Ольга Арефьева. «Мышка Божия»)².

Если слово *сторожка* в обычном значении ‘помещение для сторожа’ и разговорном ‘сторожевая служба’ – не диминутивы, а универбаты, то в стихотворении это не отадъективное, а отглагольное образование от *сторожить* (добычу). На диминутив это тоже не похоже, но коннотация диминутивности появляется в контексте с очевидным диминутивом *сторожок* от *сторож*. Его словарное значение – ‘приспособление, приводящее в действие механизм ловушки, в том числе мышеловки’.

Структура диминутивов. Из структурных модификаций диминутивов отметим, прежде всего, такое нередкое в современной поэзии (и в разговорной речи) явление, как употребление альтернативных суффиксов, когда диминутивы образованы с заменой суффикса, привычного для конкретной производящей основы, на другой:

Посмотри-ка, Дашенька
Вот у нашей **кошеньки**
Мягкие **подушеньки**
На лапках

¹ [Строчков, 2006, с. 463].

² [Арефьева, 2014, с. 293].

Как **подушеньки** поджав
 Да прыгнет на матрасик
 Ой-ой-ой, ведь там лежал Тарасик
 Где Тарасик?
 (Дмитрий Александрович Пригов. «Посмотри-ка, Дашенька...»)¹.

Если альтернативный суффикс здесь усиливает экспрессию нежности и при любования кошечкой, и при обращении к ребенку, то в следующем тексте словоформа *на реберках* вместо стандартной *на ребрышках* устраняет гастрономическую коннотацию слова *ребрышки*, неуместную для генитивной метафоры:

Столь полны черноты полунощны запасы...
 Столь далеко у изощренья мол блеснул:
На реберках песка, на полосах террасы,
 На волнах лезвийных свою я тень спугнул.
 (Олег Юрьев. «Оборочусь я чуть – и тьмы неравномерной...»)².

Словом *титцы* Д. А. Пригов устраняет грубость диминутива *титьки*:

Вот вместе б хорошо собраться –
 Печенки, голова и **титцы**
 Различные, и обратиться
 К ним:
 Давайте же совместно, братцы
 Здесь проживем хоть до утра! –
 – Давай! давай! ну, нам пора
 Дела разные
 (Дмитрий Александрович Пригов. «Вот вместе б хорошо собраться...»)³.

Следующий пример со словом *крышица* подтверждает, что альтернативные суффиксы оказываются особенно востребованными в тех случаях, когда производящее и производное слово семантически дифференцировались:

Над водой туман шевелится,
 На горе сирень цветёт.
 Живописец точно греется,
 От восторга ватман рвёт.
 Почему в тумане слышится:
 «Красно Солнце, рот закрой!»?
 А еще съезжает **крышица**
 Вниз по травушке сырой
 (Сергей Мэо. «Туман»)⁴.

¹ [Пригов, 1997, с. 179].

² [Юрьев, 2021, с. 78].

³ [Пригов, 1998, с. 213].

⁴ [Мэо, 1997, с. 12].

Поскольку речь идет о восторге живописца, сочетание *съезжает крышица* здесь – преобразованный жаргонный фразеологизм *крыша едет* – о впадении в творческое безумие. Понятно, что ни слово *крышка*, ни слово *крышечка* в этом случае совсем не годятся, следовательно, автору понадобился непродуктивное для современного языка образование на *-ица*. И. В. Фуфаева пишет: «...историческая конкуренция суффиксов *-к(а)* и *-иц(а)* <...> закончилась утратой продуктивности суффиксом *-иц(а)*, победой форм на *-к(а)* типа *рыбка* и вытеснением параллельных форм на *-иц(а)* типа *рыбица*, ср. *белорыбица*. В языке остались немногочисленные уменьшительные и ласкательные формы на *-ица* без параллельных форм на *-к*: *лужица*, *косица*, *вещица*, *сестрица*. Из новых удалось найти лишь ласкательный окказионализм *пряжица*, видимо, мотивированный и отталкиванием от омонимии с *пряжка*» [Фуфаева, 2020, с. 59].

У В. Сосноры есть словообразовательный архаизм *лимонец*:

Вот ворвется с тростью Зверя

Гость!

<...>

Как из Индии за Невский запахнемся занавеской

За Нью-Йоркский тост Ленинградский: «кто там тростью в стекла

бьет?»

Может, молотком из бронзы сам Э. По, скиталец бездны,

хочет мой **лимонец** брынзы съесть, связать меня за бинт?

(Виктор Соснора. «Баллада Эдгара По»)¹.

И. В. Фуфаева причисляет это слово к вытесненным существительным на *-ец* в результате конкуренции со словами на *-чик* [Фуфаева, 2020, с. 60]. Вероятно, именно словообразовательный архаизм понадобился В. Сосноре из-за метафорического значения слова и из-за того, что в слове *лимончик* имеется лишняя для контекста «гастрономическая» ласкательность².

Вообще суффиксы *-ец-*, *-ц-* весьма популярны у современных поэтов:

я брил во сне лицо отца

я брел по его лицу

светлеющей тенью косца

ни дереву ни **кустецу**

не уступая черт лица

(Игорь Булатовский. «я брил во сне лицо отца...»)³;

Я мыш,

боюсь за вас, людей, я не хожу теперь на танцы,

мне тесен воздух-Асмодей, и мало денежек **в карманце**,

мне небо просится в глаза, но слишком синее такое,

там пролетает стрекоза над моей маленькой рукою.

(Давид Паташинский. «мыш»)⁴;

¹ [Соснора, 2018, с. 698–699].

² Возможно, *лимонец брынзы* – аллюзия на слова *кусочек сыру* из басни И. А. Крылова «Ворона и лисица».

³ [Булатовский, 2019, с. 157].

⁴ [Паташинский, 2008, с. 428].

Не вечно же плутать, хоть чудо – Русь,
среди распутиц этих и **распятьиц**,
ну, что ли, до приятнейшего, братец,
для вас уже просторная, смотрю-с,
готова клетка с видом на **закатец**.
(Владимир Гандельсман. «Обход с Достоевским»)¹;

...А это что еще такое?
А это – зеркало, такое **стеклецо**,
чтоб увидеть за щеткой за щекою
судьбы перемещенное лицо.
(Лев Лосев. «Один день Льва Владимировича»)²;

Проросла в глазу солома,
не солома – **бревнецо**,
зреет глубже **стервецо**
умозримого содома.
(Владимир Строчков. «Цыганочка с выходом»)³;

Вы кладите сабельку, мои детушки,
А и берите вы **ведерце** серебряно,
Ведерце серебряно, дужки позолочены,
А и не борзяся, со смирением,
Со смирением, да и со тщанием,
Разгребайте **ведерцем** зелено говно,
Потрудитесь для своей Матушки!»
(Сергей Круглов. «Церковь и ее детушки»)⁴.

И вот – ни ночь, ни утро – но розовая подлива
к серому мясу неба, на лунной кости, подлитá,
и глухарь, оглохший от страсти, точит горлом горливо
в чаше чащи **жерельце**, куда утечет темнота
(Игорь Булатовский. «Ночная охота на птиц. Триптих»)⁵;

Смотрят люди в оконце:
в каждой лампе – **огоньце**,
у Луны молока нет,
а Луна молодая.
А два уха людские
при Луне – ледяные.
(Виктор Соснора. «Семейный портрет»)⁶;

¹ [Гандельсман, 2005, с. 67].

² [Лосев, 2012, с. 167].

³ [Строчков, 2006, с. 453].

⁴ [Круглов, 2010, с. 104].

⁵ [Булатовский, 2013, с. 83–84].

⁶ [Соснора, 2018, с. 729].

Ты жил в вагоновожатые **временца**
 жадных, поджатых старцев, стиранных мойдодыр,
 табачку на понюх, на троих пьянца,
 хлебца загодя. Горвокзал байдды
 пекся в долю с бульбой из вещмешка
 о равенстве. И раздавал пешка,
 отпустив электричку жестом или плевком куды
 макаров гулаг не гонял. И проездной истек.
 Вагоновожатый умер в полупустом плаще.
 На подъезде к Моздоку, нажав на стоп,
 время вышло не сразу, а вообще.
 (Олег Вулф. «Переселенцы»)¹.

Похоже, что образование таких диминутивов – универсальный способ избежать ласкательности. Размерной уменьшительности в них тоже нет, может быть, за исключением слов *жерельце*, *огоньце*. Вероятно, в этих случаях важна именно экспрессия с признаками языковой архаики или диалектной лексики.

Слова *ни волосца животца* в стихотворении А. Иконникова-Галицкого – элемент цитаты из текста XVII в.:

Пришли вороны с востока, а я робче птенца, сед как овца,
 не оставили **ни волосца животца** и деревню сожгли до кола.
 Рожь броней пожали, на небо сбежали.
 Живем на кладбище, а хлеб в огнище,
 на ногах воистину одни голенища.
 (Анджей Иконников-Галицкий. «Времени не будет»)²;

Ср.:
 Да немало, государь, лет,
 а разума нет, и не переписать своих бед.
 Розван, что баран, разорен до конца, а сед, что овца.
 Не оставили **ни волосца животца**, и деревню сожгли до кола.
 Рожь ратные пожали, а сами збежали.
 А ныне воистинну живем в погребнице и кладем огнище,
 а на ногах воистину остались одне голенища, и отбились голенища.
 (Иван Фуников. «Послание дворянина дворянину»)³.

Другой заметной структурной особенностью диминутивов в современной поэзии является неузвальная редупликация суффиксов. К узвальной редупликации относится удвоение суффиксов в словах типа *сыночек*, *доченька* или *дочечка*, для которых производящим словом является диминутив первой ступени (*сынок*, *дочка*). В истории языка происходило не только удвоение, но и множественный повтор суффиксов: *дева* → *девка* → *девочка* → *девчонка* → *девчоночка*.

¹ [Вулф, 2014, с. 15].

² [Иконников-Галицкий, 1995, с. 7].

³ [Фуников, 1989, с. 24].

По словам О. Ю. Крючковой, «удвоения реляционных аффиксов единично представлены в современном русском языке и его истории и обусловлены, очевидно, либо фонетическими процессами на стыке корневой и флексийной морфем, затемняющими прозрачность морфемного состава, либо развитием стилистических норм в национальную эпоху» [Крючкова, 2000].

Примеры из современной поэзии:

Папа, папа, папочка
Своего **сыночечка**
Ты кормил как пташечку
Дай теперь хоть крошечку
(Дмитрий Александрович Пригов. «Папа, папа, папочка...»)¹;

На каждый маленький укус
Нисходит с неба Иисус
На ранку молча он глядит
Она ж – как **паучочек** горький
Как тварь обиженная горько
Она бежит к Нему, бежит
Приласкаться
(Дмитрий Александрович Пригов. «На каждый маленький укус...»)²;

Поспешает пешеход
В **плащичке** что птица;
К одностороннему фонарю
Тень его катится
(Олег Юрьев. «Колыбельная»)³;

Сюда, сюда, пожалуйста-с, прошу-с,
составьте честь, а **зонтичек**⁴, а мокро-с,
что затоптались? борет грозный образ?
ну, наконец-то-с, эх, святая Русь
всех примет, незадирчиво раздобрясь.
(Владимир Гандельсман. «Обход с Достоевским»)⁵;

Что это у нас опять?
Церквы белые как ять
Тронутые синевой

¹ [Пригов, 1998, с. 68].

² [Пригов, 1997, с. 50].

³ [Юрьев, 2021, с. 23].

⁴ Слово *зонтик* в современном русском языке производно от слова *зонт*. Но хорошо известно, что первоначально элемент *-ик* не был уменьшительным суффиксом: слово заимствовано из голландского языка: *зонтик* ← *Zonnedeck* (*Zonne* – ‘солнце’, *dek* – ‘покрышка’). Конечный фрагмент корня в заимствованном слове стал восприниматься как уменьшительный суффикс по аналогии с такими русскими словами, как *столик*, *домик*, *ключик*, то есть произошло усложнение основы. А затем появилось и слово *зонт* без уменьшительного суффикса, то есть осуществилось обратное словообразование.

⁵ [Гандельсман, 2005, с. 65].

Декабря почти живой.
Речечки подземный вой.
 (Полина Барскова. «Всегда Декабрь»)¹;

Великосветский мученик
 Прикованный к стене
 Возле навозных **кучечек**
 В обратной стороне.
 (Г. Саратов. «Великосветский мученик...»)².

Пример диминутива четвертой ступени:

Но в пивнице дорожкарской
 меж Кпярской и Коменярской
 идет вальс «Зеленый слон»!
 Сивый ус купался в Висле
с огуречечком на вилке, –
 пьет с кристальной, сукин сын!
 (Виктор Соснора. «Завороженные дрожки»)³;

Как пишет О. Ю. Крючкова, «...аффиксы второго деривационного шага не изменяют словообразовательного значения первичного аффикса, а полностью или частично дублируют его. Функция второго словообразовательного аффикса – в усилении, подчеркивании соответствующего значения первичного аффикса или отдельных компонентов его значения. Ср.: *ведерочко* – ‘то же, что *ведерко*, но с усилением ум.-ласк. значения’» [Крючкова, 2000].

По-видимому, неузуальная редупликация экспрессивной уменьшительности в современной поэзии соответствует тенденциям развития языка: «Можно сказать, что вторичная деривация – то, что создало современные диминутивы и продолжает определять их эволюцию как словообразовательной категории» [Фуфаева, 2020, с. 51].

Часто встречается в современной поэзии и противоположное явление: обратное словообразование – реставрация утраченных производящих симплексов:

Моха чёрная летела
 выше прочей мелюзги.
 Утомила и села
 на высоком берегу.

Выходили **к мохе** люди,
 улыбались в полный рост,
 подавали ей на блюде
 симпатический компост.

¹ [Барскова, 2018, с. 290].

² [Саратов, 1988, с. 50].

³ [Соснора, 2018, с. 697].

Подавали **на тареле**
натуральных мармелад,
в герметической кастрюле
приносили молока.
(Александр Левин. «Моха и поселяне»)¹;

Взглянешь на небо порой,
Кажется – сколько там **звездок?**
А обернешься вокруг –
Все это бред и обман!
(Андрей Туркин. «Из антологии»)²;

И оглянулся – позади
стояла юная Светлана,
сжирая взором его спину,
Была она слегка румяна,
Одета в тальму и **косыну**.
(Евгений Мякишев. «Большой, угрюмый и голодный...»)³.

В трех следующих примерах обратные дериваты явно искусственны:

В зелёном небе жёлтые созвездья
косматых колоссальных **одуванов**.
Теперь-то ясно, что это за сила
так манит из прохладного подъезда
(Александр Левин. «Жаркий май»)⁴;

Про Переделкино нео В. Катаев напишет.
Вот где венец торжества вам, юнец из Литинститута!
Знаю одно, пес-**медвежон** Б. Пастернак меня не искушал.
(Виктор Соснора. «Прага-76»)⁵;

Я – квакер болот, я – большой **лягушон**,
телегарь любви и зубастырь обиды,
невидное стало во мне так невидно,
что даже люблю погулять нагишом
(Андрей Воркунов. «Я – квакер болот, я – большой лягушон...»)⁶.

Обратный дериват имплицитно содержится в таком стихотворении В. Павловой:

Парус сарафана
в море васильков,

¹ [Левин, 2007а, с. 89].

² [Туркин, 2002, с. 19].

³ [Мякишев, 1992, с. 71].

⁴ [Левин, 1995, с. 134].

⁵ [Соснора, 2018, с. 683].

⁶ [Воркунов, 1995, с. 58].

солнечная ванна
с пеной облаков,
рекогносцировка
изумрудных мух,
божия коровка
и ее пастух.

(Вера Павлова. «Русская песня»)¹.

На поверхностном уровне имплицитность заключается в том, что пастухи пасут коров, а не божьих коровок, но, возможно и такое толкование: если та коровка божия, то ее пастух – Бог.

О. Арефьева в тексте с игровым спунеризмом сопровождает устранение диминутивного показателя в одном слове редупликацией уменьшительного суффикса в другом:

Отрезаю я **кусы колбасочки**,
Только корок сопеек в кошелёчке,
И мечтаю на полой на годе
Прокатиться по Америке-Европе!
(Ольга Арефьева. «Перепутаница»)².

Замена диминутивов производящими неуменьшительными словами и – наоборот – замена симплексов диминутивами бывает одним из способов дефразеологизации:

Т р у в о р
В мир пойти повеситься-поделиться,
саня яблоч или наташа хлеба?
Наливай принять, почтовая птица.
Пожелай гостей, **золотая рыба**.
(Андрей Поляков. «Сумароком»)³;

земля трепака и **жар-птички**
стахановский суслик степной
парадов чумацкие брички
яга под кремлевской стеной
(Алексей Цветков. «Заглянем в решение ландшафта... »)⁴;

Люблю фарфоровых солдат,
Когда по улице январской
Они шагают без опаски
И о шинель ружьём звенят.

¹ [Павлова, 2011, с. 16].

² [Арефьева, 2014, с. 125].

³ [Поляков, 2000, с. 38].

⁴ [Цветков, 2015, с. 468].

Навстречу пыльная собачка
Несёт им чистый хвостик свой,
И гонит прочь ее домой
Старушка **в беленькой горячке**.
(Владимир Кривошеев. «Полночь»)¹.

Дефразеологизации подвергаются и бывшие диминутивы:

В белом кафе на пляже идет гудьба.
Мальчик громит марсиан в упоении грозном.
Вилкой по водке писано: ЖИЗНЬ И СУДЬБА –
пишет в углу подвыпивший мелкий Гроссман.
(Лев Лосев. «В нормандской дыре»)².

Слова *вилкой по водке писано* явно производны от поговорки *вилами по воде писано* – ‘неизвестно, недостоверно’. В цитированном фрагменте есть и другое проявление языковой игры с уменьшительностью: оксюморон *мелкий Гроссман* (этимологически *Гроссман* – ‘большой человек’).

К структурным модификациям диминутивов можно отнести и автономное употребление диминутивных суффиксов с флексиями:

там где лестница
из-под ног уходит
ты ступаешь на эту Твердь
из интимных слов
Заинька
Кисанька
Боженька
аньки
иньки
(Константин Кедров. «Хризостом или Златоуст»)³;

А он такой –**оватенький**
весь из себя –**еватенький**
горстями кидает катеньки
своей зазнобе Катеньке.

Не –ующий, не –еющий
пирующий, да –ующий
кукующе ликующий.

–Ююющий... Радехоньки?
Вдруг – крохотный да махонький.
Ахти, ахти, ох, охоньки!
Бабаханьки – не хаханьки!

(Александр Кондратов. «–АТЕНЬКОЕ»)⁴.

¹ [Кривошеев, 1999, с. 15].

² [Лосев, 2012, с. 85].

³ [Кедров, 1991, с. 108].

⁴ [Кондратов, 1980, с. 246]. Другой вариант под названием «Некрасно –атенькое»: [Кондратов, 2015, с. 298–299].

Афористичное, поэтическое, зрелое
 Белы (ый, ое, ая, яя)
 Зелен (оватый, еватый, ватый)
 Желт (еющий, юющий, ующий)
-онький, енький, унький
 Красноватенький, малоподвижный...
 Тоскующий
 желтеющий
 поющий

– **атенький**

– **отенький**

– **онький!**

(Александр Кондратов. «Суффиксация»)¹;

Словарный ангел залетает сюда
 на серых суффиксах, **–ышках**,
 он в запасе, его оставили навсегда
 в мальчишкиных книжках.

(Игорь Булатовский. «Словарный ангел залетает сюда...»)²

В некоторых текстах имеется такое структурное преобразование диминутивов, как внутрисловный морфемный оксюморон, то есть противоречие между лексическим и словообразовательным значением слов. Это относится, например, к игровым стихам с размерными диминутивами и аугментативами:

Великанчик Великану
 До колена доставал
 И за папой на прогулке
 Еле еле попевал.

Но сажал его на плечи
 Добрый папа – Великан.
 И тянулся сын навстречу
 Солнцу, птицам, облакам.
 (Генрих Сапгир. «Великан и Великанчик»)³;

За горушкой, за речушкой илистой,
 Где до дому по тропе извилистой
 Столько, да полстолько, да чуть-чуть еще,
Великанчик встретил **Лилипутище**.
 Было **Лилипутище** немолодо,
 Поросло густым зеленым волосом,
 Выло **Лилипутище** от голода
 Тонким заплетающимся голосом.

¹ [Кондратов, 2014, с. 154].

² [Булатовский, 2019, с. 95].

³ [Сапгир, 2024, с. 69–70].

Выло так тревожаще и вяжуще,
 Что на сердце отзывалось режуще.
Великанчик пожалел **бедняжище**,
 Пригласил его в свое убежище.
 Показал ему свои сокровища,
 Скушал с ним по ананасу спелому,
 А потом повеселил чудовище:
 Песенку затейливую спел ему,
 Песенку о том, как за горушкою,
 Где речушка вьется звонкой стружкой,
 Возле прошлогоднего пожарища
Великанчик раздобыл товарища.
 (Вячеслав Лейкин. «Встреча»)¹;

Слушай свист и шипение,
 стой дурак дураком.
 Чистомоеписание
 мелкий сожрал дракон.
 Эх, с ноготок бы рацию,
 тут бы выкликал я
 карликового рыцаря
 с тонкой спицей копы.
 Крошечное **чудовищеце**,
 хоть ладонью лови.
 Рыльце его в кириллице,
 зубки его в крови.
 (Лев Лосев. «Гад»)².

Встречаются и сочетания размерных диминутивов с экспрессивными, и собственно экспрессивные диминутивы без размерного компонента:

На шнуре от телефона
 Тлеют спелые початки –
 Клопик, мой **вражок** исконный,
 Спрятался в одном, подлец!
 (Владимир Кривошеев. «Клопики»)³;

Наверное, неба неправ сандал.
 Когда мы кого-нибудь предаём,
 в глухую затягиваясь даль,
 мы думаем, **враженька**, о своём.
 И всё-таки взгляда не дрогнет твердь.
 А ваттная лампа гори, гори!
 Пускай же напишет меня Дьердь,
 снаружи оказываясь, внутри.
 (Елена Сунцова. «Последнее стихотворение Джалиля»)⁴.

¹ [Лейкин, 2010].

² [Лосев, 2012, с. 498].

³ [Кривошеев, 1999, с. 13].

⁴ [Сунцова, 2006, с. 16].

Наверное, к этой рубрике можно отнести и употребление слова *грохоток*, производящий симплекс которого обозначает очень громкий звук, а суффикс имеет значение ослабленности:

Лакированная шахматная доска.
Аппетитный **грохоток** высыпанных фигур.
Взмах клетчатых крыльев –
и квадратная бабочка опускается на стол.
В двух кулачках прячется первый ход,
который тебе не нужен, но достаются белые.
(Владимир Гандельсман. «Шахматы /подстрочник/»)¹.

В следующем тексте оксюморон на уровне словосочетания оживляет уменьшительность слова *мальчик*:

Клубничья мордочка усами шевелит
и воздух нюхает, и плакать не велит.
А я не плакаю, не плачу, не плачу,
великим мальчиком – на велике лечу!
(Александр Кабанов. «Велосипедное»)².

Фонетическое и графическое усиление экспрессии. Средства усиления экспрессии диминутивов в современной поэзии очень разнообразны. К фонетико-графическим способам можно отнести, например,

а) изображение эмфатически удлинённого звука:

улыбаться так
так широко и так раскрепощенно
так безоблачно чисто открыто

при встрече

и так **сла-а-а-аденько**,
сладенько так, что аж слюнки текут

на прощанье –

вот искусство,
которому мог бы позавидовать смертный
(Александр Очеретянский. «Нет и не может быть...»)³;

б) разговорно-просторечную редукцию:

Весна под окошками бродит
Родимая! **Личко** покажь!

¹ [Гандельсман, 2000, с. 13].

² [Кабанов, 2005].

³ [Очеретянский, 1993, с. 69].

На седьмой поднимися этаж
А то внизу пропадаешь
(Дмитрий Александрович Пригов. «Весна под окошками бродит...»)¹;

в) подражание детской речи:

Это кто зашел в троллейбус
И качается стоит
Оглашая всё окрест
Разноцветным перегаром?
Это **дяинька** стоит
Он в шапке стоит
(Константин Рябинов. «Это кто зашел в троллейбус...»)²;

в) имитацию орфографических ошибок:

Игорь говорит Папа говорит Мышка говорит:
Ничего у тебя не болит
Встань и иди
А у мене **ладошька** болить!
А у мене **щочка** болить!
А у меня ой орган тленья болит
Это какой такой орган зыркая пламенным из-под век
спрашивает Лилит
(Полина Барскова. «Прозак»)³;

г) орфографические архаизмы:

Самолётинька! Шибко не беги,
Под копытами – молоко,
А внизу-то фантики-огоньки
В перьях облаков.
(Елена Ванеян. «Самолётинька»)⁴;

Пропала Мария, а Марфа
Всё курит сидит на крыльце.
Следит, как сияние марта
В её отразится кольцо
И **жолтеньком** и обручальном.
С усмешкой на длинном лице,
Надменном, живом и печальном.
(Полина Барскова. «Два отца, два кольца... Куплеты для Е. Р.»)⁵;

¹ [Пригов, 1997, с. 222].

² [Рябинов, 1994, с. 261].

³ [Барскова, 2011].

⁴ [Ванеян, 2018, с. 62].

⁵ [Барскова, 2005, с. 41].

призыв «Назад к обэриутам!»
услышав от меня,
он стал
круче Кручёныха и круто
карабкался на пьедестал.

Но я-то знал,
что он со Скользко-
го полуострова, остёр
на **язычѣк**, скатился, сколько
бы ни расхваливал сестёр
(Слава Лён. «Как у антихриста за пазухой»)¹;

д) разговорно-просторечную замену суффикса на синонимичный:

Любачки-любезницы
летуточки и тамоньки,
веселенькие, голенькие,
беленькие, пестренькие,
ушечки-подушечки,
два крылышка, два усика,
два клинышка, два **пятнушка**,
две пачечки, две точечки.
(Александр Левин. «Инсектарий»)²;

д) присоединение уменьшительных суффиксов к старославянизмам:

Бил Верховный Час: двенадцать! Думается, что мне делать
над финалом фолианта Знаний Индии и Дня?
Змийка с глазиком бурлила в колбе винного бокала.
Глаз-фиалка, глаз-фиалка заморгался у меня.
(Виктор Соснора. «Баллада Эдгара По»)³;

Вот подошел я к стенке средоточен,
где крест наметил ране крандашом.
Гвоздь был зажат в зубах,
в руке – **млаточек**
Я размахнулся...
Будь я точен,
попал бы в шляпку –
нет ее.
Смолчал я, стиснув зубы,
меж кторых гвоздь еще торчал.
И вдруг очнулся.
<...>

¹ [Лён, 2001, с. 66].

² [Левин, 2007б, с. 94].

³ [Соснора, 2018, с. 698].

В зубах мой гвоздь торчит,
рука занесена над головою
(с **млатком**, естественно).
Направил гвоздь я в перекрестье линий...
(Цезарь Агылбеков. «Вот подошел я к стенке средоточен...»)¹.

е) изменение ударения;

Вот в очереди **тихонько** стою
И думаю себе отчасти:
Вот Пушкина бы в очередь сию
И Лермонтова в очередь сию
И Блока тоже в очередь сию
О чем писали бы? – о счастье
(Дмитрий Александрович Пригов. «Вот в очереди тихонько стою...»)².

Влияние рифмы на употребление диминутивов. Во многих случаях неожиданные диминутивы, в том числе авторские неологизмы порождаются рифмами:

Свернуться, говоришь, **калачиком**,
стать мелкой дрожьюшкою, **плачиком**,
захлопнуть дверь и в прах рассыпаться,
лежать, не рыпаться.
(Владимир Гандельсман. «Дочь»)³;

Русская готика.
Куполы-лампочки.
Девочки-лапочки.
Церква и мальвы.
Мирного **скотика** – серого **котика**,
Спящего на неприкрашенной лавочке,
В грязны уста целоваль вы.
(Мария Степанова. «Балюстрада в Быково»)⁴;

воробейчики-
соловейчики
ничего вам не скажу
хоть убейчики.
(Игорь Булатовский. «у воробушка всего...»)⁵.

Рифменная индукция способствует представлению в текстах словообразовательных моделей:

¹ [Агылбеков, 2000].

² [Пригов, 1997, с. 9].

³ [Гандельсман, 2005, с. 235].

⁴ [Степанова, 2001, с. 42].

⁵ [Булатовский, 2019, с. 71].

Дай же, Боже, благодати,
 Дай же то же, Божья Матерь,
 Каждой твари дай по паре,
 Каждой паре – по кровати,

 Каждой кошке дай по мышке,
 Каждой мышке – **по сынишке**,
 По дочурке, **по мужишке**,
 По печурке, **по дровишке**!
 (Ольга Арефьева. «Мышка Божия»)¹;

Бежит кот, задрал хвост,
 Бежит **котик**, задрал **хвостик**,
 Бежит **котейка**, задрал **хвостейку**,
 Бежит **котишка**, задрал **хвостикшу**,
 Бежит **котец**, задрал **хвостец**,
 Бежит котяра, задрал хвостяру,
 Бежит котофан, задрал хвостофан,
 Бежит **котяндрик**, задрал **хвостяндрик**,
 Бежит котяус, задрал хвостяус,
 Бежит **коток**, задрал **хвосток**,
 Бежит котеич, задрал хвостеич,
 Бежит котян, задрал хвостян, –
 Все куда-то бегут!
 (Ольга Арефьева. «Коты и хвосты»)².

Выводы. Исследование показало, что в поэзии начиная со второй половины XX в. до нашего времени с ее активным словотворчеством репертуар диминутивов, их функции, стилистика и структура гораздо разнообразнее, чем в узуальном употреблении. В значительной степени это связано с тем, что для поэзии характерны фонетические и структурные повторы, в том числе, корневые, словообразовательные и синтаксические. Такие повторы, часто основанные на рифменной аттракции, способствуют контекстуальной актуализации словообразовательных гнезд, типов и моделей. Употребление диминутивов в современной поэзии во многих случаях осуществляет эстетическую функцию языка. Диминутивная неология становится основой языковой игры, особенно в стихотворениях для детей.

¹ [Арефьева, 2014, с. 294].

² [Арефьева, 2014, с. 81].

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.
- Белинский, В. Г. (1955). *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине 1843–1846*. Москва: АН СССР.
- Бровко, А. С. (2000). Деминутивы как средство оценочно-характеристической экспрессии в художественно-литературных текстах Леонида Леонова. *Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки*, 1, 25–30. URL: <http://web.znu.edu.ua/herald/issues/archive/articles/748.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).
- Буряковская, А. А., & Звонарева, Ю. Н. (2010). Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 1, 316–321.
- Бутакова, Л. О. (1997). Функционирование уменьшительных образований в произведениях Тимофея Белозёрова. *Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: межвузовский сборник научных трудов* (с. 30–43). Омск: Омский государственный университет.
- Виноградова, В. Н., & Петрова, З. Ю. (2015). Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях. *Manisalnice v slovanskikh jezikh: oblika in vloga = Деминутивы в славянских языках: форма и роль* (с. 412–426). Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha: Zora.
- Воейкова, М. Д. (2013). Грамматический статус диминутивов в современном русском литературном языке: новые слова или формы слов? *Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации* (с. 122–128). Москва: Языки славянских культур.
- Воронина, Л. П. (2012). Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке. *Вестник Томского государственного университета*, 359, 15–17.
- Гак, В. Г. (2000). «Гастрономический» диминутив в русском языке. *Активные языковые процессы конца XX века: тезисы докладов международной конференции* (с. 28–30). Москва: Азбуковник.
- Грачев, М. А. (2003). *Словарь тысячелетнего русского аргот: 27 000 слов и выражений*. Москва: РИПОЛ КЛАССИК.
- Евгеньева, А. П. (ред.). (1988). *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я*. Москва: Русский язык.
- Жиялков, В. И. (1968). Стилистические функции форм субъективной оценки в поэзии А. В. Кольцова. *Вопросы грамматики, стилистики и диалектологии русского языка: сборник статей* (с. 65–79). Воронеж: ВГПИ. (Известия Воронежского государственного педагогического института, Вып. 81).
- Зубова, Л. В. (2000). *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зугумов, З. М. (2015). *Русскоязычный жаргон: историко-этимологический, толковый словарь преступного мира*. Москва: Книжный мир.

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works: in 2 vols. Vol. 2: Integral description of language and system lexicography*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).
- Belinsky, V. G. (1955). *Complete collection of works: in 13 vols. Vol. 7: Articles and reviews 1843. Articles about Pushkin 1843–1846*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Brovko, A. S. (2000). Diminutives as a means of evaluative-characteristic expression in Leonid Leonov's artistic-literary texts. *Bulletin of Zaporizhzhia State University. Philological sciences*, 1, 25–30. URL: <http://web.znu.edu.ua/herald/issues/archive/articles/748.pdf> (accessed: 07.04.2025). (In Russian).
- Buryakovskaya, A. A., & Zvonareva, J. N. (2010). Diminutives in the Russian XIX century literature. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*, 1, 316–321. (In Russian).
- Butakova, L. O. (1997). The functionality of diminutive formations in Timofey Belozyorov's works. *Urban colloquial speech and problems of its study* (pp. 30–43). Omsk: Omsk State University Publ. (In Russian).
- Elvia, V. H. M. A. (2013). *Features of diminutive formations in the early stories of A. P. Chekhov*: dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian).
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1988). *Dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 4: S–Ya*. Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russian).
- Fedorova, L. L. (2018). The use of diminutives in the literary texts of Turgenev and Dostoevskii. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, 12(45), 90–111. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2020). *The metaphor of the small: Russian diminutives*. Moscow: RGGU Publishing Center. (In Russian).
- Gak, V. G. (2000). "Gastronomic" diminutive in the Russian language. *Active language processes of the end of the 20th century: abstracts of reports of the international conference* (pp. 28–30). Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).
- Grachev, M. A. (2003). *The dictionary of millennial Russian argot: 27 000 words and expressions*. Moscow: RIPOЛ CLASSIK Publ. (In Russian).
- Kramkova, O. V. (2001). *Functioning of diminutives in the modern Russian language: On the material of modern artistic prose*: dissertation for the Degree of Cand. Sci. in Philology. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2015). "Language is more powerful and smarter than each of us": linguist Maksim Krongauz – about "chicks", memes and the new language of the Internet. *Slovvari21.ru*. URL: <https://slovvari21.ru/analytics/1432?ysclid=m8zis8g67m265641727> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).
- Krysin, L. P. (Ed.). (2017). *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech: in 5 vols. Vol. 2: K–O*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian).
- Kryuchkova, O. Yu. (2000). *Reduplication as a phenomenon of Russian word formation: Historical development and*

Крамкова, О. В. (2001). *Функционирование демунитивов в современном русском языке: на материале современной художественной прозы*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный институт имени Н. И. Лобачевского.

Кронгауз, М. А. (2015). «Язык мощнее и умнее каждого из нас»: лингвист Максим Кронгауз – о «телочках», мемах и новом языке интернета. *Словари XXI века: официальный сайт*. URL: <https://slovari21.ru/analytics/1432?ysclid=m8zis8g67m265641727> (дата обращения: 07.02.2025).

Крысин, Л. П. (ред.). (2017). *Толковый словарь русской разговорной речи: в 5 т. Т. 2: К–О*. Москва: Языки славянских культур.

Крюкова, О. Ю. (2000). *Редупликация как явление русского словообразования: историческое развитие и типологическая специфика*: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саратов: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Лотман, Ю. М. (1995). «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века. *Лотман Ю. М. Пушкин: биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: комментарий* (с. 786–814). Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

Лысакова, И. П., & Комцын, К. Б. (2022). Из истории категории диминутивности в русском языке. *Международный научно-исследовательский журнал*, 6–3(120), 47–51. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.073>

Морозов, А. В. (1994). Язык художественного произведения как источник лексикографического описания уменьшительно-ласкательных существительных в современном русском языке (на материале рассказов В. М. Шукшина). *Русские говоры Сибири. Лексикография: сборник статей* (с. 150–154). Томск: Изд-во Томского университета.

Огольцева, Е. В., & Чжоу, Ю. (2023). Лексикализация соматизмов-диминутивов в русском языке. *Отечественная филология*, 5, 102–114. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2023-5-102-114>

Павловец, М. Г. (2025). *Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Рутковская, Г. Л., & Крапивная, А. Е. (2015). Диминутивы в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и способы их перевода на английский язык. *Перевод в меняющемся мире: материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 марта 2013 г., Саранск* (с. 81–88). Москва: Азбуковник.

Свободова, Й. (1992). *Деривационные и стилистические особенности русских диминутивов (на материале автобиографической трилогии М. Горького)*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический институт имени Л. С. Серафимовича.

typological specificity: dissertation for the Degree of Dr. Sci. in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1995). The Queen of Spades and the theme of cards and card games in Russian literature of the early 19th century. *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary* (pp. 786–814). St. Petersburg: Iskustvo-SPB Publ. (In Russian).

Lysakova, I. P., & Komcyan, K. B. (2022). From the history of the diminutive category in Russian. *International Research Journal*, 6-3(120), 47–51. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.073> (In Russian).

Morozov, A. V. (1994). The language of a work of fiction as a source of lexicographic description of diminutive-adjective nouns in modern Russian (on the material of V. M. Shukshin's stories). *Russkie govory Sibiri. Leksikografiia* (pp. 150–154). Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russian).

Ogoltseva, E. V., & Chzhou, Iu. (2023). Lexicalization of somatic diminutives in the Russian language. *Russian Studies in Philology*, 5, 102–114. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2023-5-102-114> (In Russian).

Pavlovets, M. G. (2025). *Neo-avant-garde in Russian-language poetry: the second half of XX – the beginning of XXI century*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russian).

Rutkovskaya, G. L., & Krapivnaya, A. E. (2015). Diminutives in N. V. Gogol's Poem “Dead Souls” and Methods of Their Translation into English. *Translation in a Changing World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, March 19–20, 2013, Saransk* (pp. 81–89). Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).

Shavyra, A. M. (2014). The Mit'ki conceptualist project. *Karpov scientific readings: a collection of scientific articles. Is. 8: in 2 parts. Part 2*. Minsk: Belorusskii Dom pechati Publ. (In Russian).

Shinkarev, V. N. (1999). *Mit'ki. Selected: collection* (pp. 11–70). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2009). Diminutive as an expressive means. *Speech communication and issues of ecology of the Russian language: a collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of A. P. Skovorodnikov* (pp. 357–370). Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2012). The diminutive in the grammar of M. V. Lomonosov and modern grammatical descriptions. *Word. Dictionary. Literary language yesterday and today (on the 300th anniversary of M. V. Lomonosov's birth): Proceedings of the All-Russian scientific conference, November 16–17, 2011, St. Petersburg* (pp. 27–31). St. Petersburg: Saga Publ. (In Russian).

Sokolova, O. V. (2019). *From avant-garde to neoavant-garde: language, subjectivity, cultural transfers*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ. (In Russian).

Svobodova, Y. (1992). *Derivational and stylistic features of Russian diminutives (on the material of M. Gorky's autobiographical trilogy)*: dissertation for the Degree of Cand. Sci. in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian).

Соколова, О. В. (2019). *От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы*. Москва: Культурная революция.

Федорова, Л. Л. (2018). Использование диминутивов в художественных текстах Тургенева и Достоевского. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 12(45), 90–111.

Фуфаева, И. В. (2020). *Метафора малого. Русские диминутивы*. Москва: Издательский центр РГГУ.

Цепова, С. П. (1993). Имена существительные с суффиксами -ушк-, -ишк- в структуре художественного текста (на материале творчества А.С. Пушкина). *Вопросы стилистики*, 24, 81–91.

Шавыра, А. М. (2014). Концептуалистский проект митьков. *Карповские научные чтения: сборник научных статей. Вып. 8: в 2 ч. Ч. 2* (с. 290–294). Минск: Белорусский Дом печати.

Шинкарев, В. Н. (1999). *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 11–70). Санкт-Петербург: Канон.

Шмелева, Т. В. (2009). Диминутив как экспрессивное средство. *Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию А. П. Сковородникова* (с. 357–370). Красноярск: Сибирский федеральный университет.

Шмелева, Т. В. (2012). Диминутив в грамматике М. В. Ломоносова и современных грамматических описаниях. *Слово. Словарь. Словесность. Литературный язык вчера и сегодня: материалы Всероссийской научной конференции, 16–17 ноября 2011 г., Санкт-Петербург* (с. 27–31). Санкт-Петербург: Сага.

Эльвия, В. Х. М. А. (2013). *Особенности диминутивных образований в ранних рассказах А. П. Чехова*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж: Воронежский государственный университет.

Tsepova, S. P. (1993). Nouns with suffixes -ushk-, -ishk- in the structure of the artistic text: On the material of A. S. Pushkin's works. *Voprosy stilistiki*, 24, 81–91. (In Russian).

Vinogradova, V. N., & Petrova, Z. Yu. (2015). The structure and use of diminutives in different functional styles. *Manisalnice v slovanskikh jezikh: oblika in vloga. Deminutivy v slavianskikh iazykakh: forma i rol'* (pp. 412–426). Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha: Zora. (In Russian).

Voeikova, M. D. (2013). Grammatical status of diminutives in modern Russian literary language: new words or word forms. *Problems of functional grammar: the principle of natural classification* (pp. 122–128). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Voronina, L. P. (2016). Semantics and pragmatics of deminutive suffixes in Russian. *Tomsk State University Journal*, 359, 15–17. (In Russian).

Zhilyakov, V. I. (1968). Stylistic functions of the forms of subjective evaluation in the poetry of A. V. Koltsov. *Questions of grammar, stylistics and dialectology of the Russian language* (pp. 65–79). Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute. (Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 81). (In Russian).

Zubova, L. V. (2000). *Modern Russian poetry in the context of language history*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).

Zugumov, Z. M. (2015). *Russian-speaking slang. Historico-etymological, explanatory dictionary of the underworld*. Moscow: Knizhnyi mir Publ. (In Russian).

Источники

Агылбеков, Ц. (2000). Вот подошел я к стенке средоточен... *Стихи.ру: сайт*. URL: <https://stihi.ru/2000/11/10-134?ysclid=m967nw0vjm392250874> (дата обращения: 07.02.2025).

Азарова, Н. (2006). На морозце. *ШПУ. Шутки после ужина*. Москва: Логос, Гнозис.

Антонова, Н. (1991). *От ада и до рая: книга стихов*. Москва, Санкт-Петербург: Геос.

Арефьева, О. (2014). *Иноходец*. Москва: Livebook, Гаятри.

Барскова, П. (2005). *Бразильские сцены*. Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications.

Барскова, П. (2011). Прозак. *Зарубежные задворки: международное сетевое литературно-культурологическое издание*. URL: <https://old.za-za.net/old-index.php?menu=authors&&country=usa&&author=barskova&&werk=002> (дата обращения: 07.02.2025).

Барскова, П. (2018). *Солнечное утро на площади: избранное*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус.

Sources

Agylbekov, C. (2000). Here I came to the wall of the concentrated... *Stihi.ru*. URL: <https://stihi.ru/2000/11/10-134?ysclid=m967nw0vjm392250874> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).

Antonova, N. (1991). *From Hell and to Paradise*. Moscow, St. Petersburg: Geos Publ. (In Russian).

Arefyeva, O. (2014). *Pacer*. Moscow: Livebook Publ., Gayatri Publ. (In Russian).

Azarova, N. (2006). On frost. *Jokes after dinner*. Moscow: Logos Publ., Gnozis Publ. (In Russian).

Barskova, P. (2005). *Brazilian scenes*. Moscow: ARGO-RISK Publ.; Tver': Kolonna Publ. (In Russian).

Barskova, P. (2011). Prozac. *Foreign backyards: an international network literary and cultural publication*. URL: <https://old.za-za.net/old-index.php?menu=authors&&country=usa&&author=barskova&&werk=002> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).

Barskova, P. (2018). *Sunny morning on the square*. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. (In Russian).

- Бобышев, Д. (1992). *Полнота всего: книга стихотворений и поэм*. Санкт-Петербург: Водолей.
- Боярских, Е. (2009). *Женщина из Кимея*. Москва: Время.
- Булатовский, И. (2006). *Карантин: стихи, 2003–2005 гг.* Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications.
- Булатовский, И. (2013). *Ласточки наконец*. New York: Ailuros Publishing.
- Булатовский, И. (2019). *Северная ходьба: три книги*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Ванеян, Е. (2018). *Разношерст: стихи 2010–2018*. New York: Ailuros Publishing.
- Ватутина, М. (2011). *Ничья: стихотворения*. Санкт-Петербург: Геликон плюс.
- Воркунов, А. (1995). *Троянский кот: книга стихов*. Москва: Akademia.
- Воронежский, Р. (1998). *По дороге в булочную: сборник рассказов*. Санкт-Петербург: Геликон Плюс.
- Вулф, О. (2014). Из цикла «Переселенцы». *Стороны света: литературно-художественный журнал*, 15, 12–20.
- Галкина, Н. (1997). *Святки: стихи и поэмы*. Санкт-Петербург: Журнал «Нева».
- Галкина, Н. (2000). *Скрытые реки: стихи*. Санкт-Петербург: Журнал «Нева».
- Гандельсман, В. (1995). *Там на Неве дом...: роман в стихах*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Гандельсман, В. (2000). *Тихое пальто: новые стихотворения*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Гандельсман, В. (2005). *Обратная лодка: стихотворения*. Санкт-Петербург: Петербург – XXI век.
- Гандлевский, С. (1995). *Праздник: стихи*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Головина, Е. (2006). Небо небушко дай дожждаться его.... *Урал*, 9. Журнальный зал: сайт. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2006/9/stihi-937.html?ysclid=m94gr1z4qq862813708> (дата обращения: 07.02.2025).
- Горалик, Л. (2019). *Всенощная зверь*. Ozolnieki: Literature Without Borders.
- Горенко, А. (2000). *Малое собрание*. Иерусалим: Альфабет.
- Гронас, М. (2002). *Дорогие сироты*. Москва: ОГИ.
- Зондберг, О. (1997). *Книга признаний: стихи*. Москва: АРГО-риск.
- Иконников-Галицкий, А. (1995). *ΑΓΓΕΛΟΣ*. Санкт-Петербург: Акрополь.
- Кабанов, А. (2005). *Велосипедное. Поэзия.ру: сайт*. URL: <https://poezia.ru/works/34376?ysclid=m94jjrxgr686386439> (дата обращения: 07.02.2025).
- Кальпиди, В. (2015). *Избранное = Izbrannoe: стихи*. Челябинск: Изд-во Марины Волковой.
- Bobyshev, D. (1992). *The fullness of everything*. St. Petersburg: Vodolei Publ. (In Russian).
- Boiarskikh, E. (2009). *Woman from Kimei*. Moscow: Vremia Publ. (In Russian).
- Bulatovsky, I. (2006). *Quarantine*. Moscow: ARGO-RISK Publ.; Tver': Kolonna Publ. (In Russian).
- Bulatovsky, I. (2013). *Swallows at last*. New York: Ailuros Publ. (In Russian).
- Bulatovsky, I. (2019). *Nordic walking*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).
- Funikov, I. (1989). Epistle from a nobleman to a nobleman. *Wirsch poetry (first half of the 17th century)* (pp. 23–24). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russian).
- Galkina, N. (1997). *Saints' Day*. St. Petersburg: "Neva" Journal Publ. (In Russian).
- Galkina, N. (2000). *Hidden rivers*. St. Petersburg: "Neva" Journal Publ. (In Russian).
- Gandelsman, V. (1995). *There's a house on the Neva...* St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ. (In Russian).
- Gandelsman, V. (2000). *Quiet coat*. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ. (In Russian).
- Gandelsman, V. (2005). *Reverse boat*. St. Petersburg, Petersburg – XXI vek Publ. (In Russian).
- Gandlevsky, S. (1995). *Celebration*. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ. (In Russian).
- Golovina, E. (2006). Sky nice sky let's wait for him.... *Ural*, 9. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2006/9/stihi-937.html?ysclid=m94gr1z4qq862813708> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).
- Goralik, L. (2019). *All-Night Beast*. Ozolnieki: Literature Without Borders Publ. (In Russian).
- Gorenko, A. (2000). *Small collection*. Jerusalem: Al'phabet Publ. (In Russian).
- Gronas, M. (2002). *Dear orphans*. Moscow: OGI Publ. (In Russian).
- Ikonnikov-Galitsky, A. (1995). *ΑΓΓΕΛΟΣ*. St. Petersburg: Akropol' Publ. (In Russian).
- Kabanov, A. (2005). *Cycling. Poezia.ru*. URL: <https://poezia.ru/works/34376?ysclid=m94jjrxgr686386439> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).
- Kal'pidi, V. (2015). *Izbrannoe*. Chelyabinsk: Marina Volkova Publ. (In Russian).
- Kedrov, K. (1991). *Verfilliem (new poetry)*. Moscow: R. Elinin Literary and Publishing Agency. (In Russian).
- Klyuev, E. (2008). *The green Earth*. Moscow: Vremia Publ.
- Kondratov, A. (1980). Denunciation. *Anthology of the latest Russian poetry "At the Blue Lagoon": in 5 vol. Vol. 1* (p. 246). Newtonville (Mass.): Oriental Research Partners. (In Russian).
- Kondratov, A. (2014). Suffixation. *Valieva, Iu. M. Some notes on the early works of Alexander Kondratov ("Tam, za stenoi", "Chasti rechi")*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9*, 4, 154. (In Russian).

- Кедров, К. (1991). *Верфьюлем (новая поэзия)*. Москва: Литературно-издательское агентство Р. Элинина.
- Клюев, Е. (2008). *Зеленая земля*. Москва: Время.
- Кондратов, А. (1980). Обличительное. *Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны»: в 5 т. Т. 1.* (с. 246). Ньютонвилль (Мэсс): Ориентал Резерч Партнерз.
- Кондратов, А. (2014). Суффиксация: стихи. Валиева Ю. М. *Некоторые замечания о раннем творчестве Александра Кондратова (Антиутопия «Там, за стеной», сборник «Части речи»)*. Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 4, 154.
- Кондратов, А. (2015). Уж как службишка солдатушки... Некрасно – Атенкое, Некрасное – эрго: стихи. Кондратов А. *Избранные произведения. Russian Literature, LXXVIII (I/II)*, 298–299.
- Королев, С. (2011). *Повторите небо*. Москва: Воймега.
- Кривошеев, В. (1999). *Дом культуры*. Санкт-Петербург: Формика.
- Круглов, С. (2010). *Народные песни*. Москва: Русский Гулливер.
- Левин, А. (1995). *Биомеханика: стихотворения 1983–1995 гг.* Москва: Б. и.
- Левин, А. (2001). *Орфей необязательный: вторая книга стихов*. Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications.
- Левин, А. (2007а). Моха и поселяне: стихи. *Знамя*, 8, 89.
- Левин, А. (2007б). *Песни неба и земли: избранные стихотворения 1983–2006 годов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Лейкин, В. (2010). Встреча. *LiveJournal: сайт*. URL: <https://v-leykin.livejournal.com/4860.html> (дата обращения: 07.02.2025).
- Лён, С. (2001). *Могила Бродского*. Москва: Вёсы.
- Лосев, Л. (2012). *Стихи*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Мэо, С. (1997). *Смешной экзамен*. Москва: СОЛО, Аюрведа.
- Мякишев, Е. (1992). *Ловитва: стихи*. Санкт-Петербург.
- Ник, А. (1997). Январчик дождливый... *Самиздат века: публицистика, поэзия, анекдоты, частушки, песни и др.* Минск, Москва: Полифакт.
- Нугатов, В. (2000). *Недобрая муза: избранные стихотворения*. Москва: Автохтон.
- Охапкин, О. (2014). *Философская лирика*. Санкт-Петербург: Русская культура.
- Очеретянский, А. (1993). Нет и не может быть... *Пять поэтов «Черновика»: А. Тат, С. Бирюков, О. Прокофьев, А. Очеретянский, А. Горнон* (с. 1–8). Нью-Йорк, Санкт-Петербург.
- Павлова, В. А. (2011). *Однофамилица: стихи 2008–2010 гг.; Детские альбомы: недетские стихи*. Москва: АСТ, Астрель.
- Kondratov, A. (2015). As a soldier's service... Nekrasnoe – Atenkoye, Nekrasnoe – ergo. *Kondratov A. Selected works. Russian Literature, LXXVIII (I/II)*, 298–299. (In Russian).
- Korolev, S. (2011). *Repeat the sky*. Moscow: Voimega Publ. (In Russian).
- Krivosheev, V. (1999). *House of culture*. St. Petersburg: Formika Publ. (In Russian).
- Kruglov, S. (2010). *Folk songs*. Moscow: Russkii Gulliver Publ. (In Russian).
- Leikin, V. (2010). The encounter. *LiveJournal.com*. URL: <https://v-leykin.livejournal.com/4860.html> (accessed: 07.02.2025). (In Russian).
- Len, S. (2000). *Brotsky's grave*. Moscow: Vesny Publ. (In Russian).
- Levin, A. (1995). *Biomechanics: poems 1983–1995*. Moscow: W. p. (In Russian).
- Levin, A. (2001). *Orpheus unobligatory*. Moscow: ARGO-RISK Publ.; Tver': Kolonna Publ. (In Russian).
- Levin, A. (2007a). A gnat and villagers. *Znamya*, 8, 89. (In Russian).
- Levin, A. (2007b). *Heaven and Earth songs: selected poems 1983–2006*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).
- Losev, L. (2012). *Poems*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (In Russian).
- Meo, S. (1997). *Ridiculous exam*. Moscow: SOLO Publ., Ayurveda Publ. (In Russian).
- Myakishev, E. (1992). *Hunting*. St. Petersburg. (In Russian).
- Nick, A. (1997). January rainy. *Samizdat of the century: journalism, poetry, anecdotes, ditties, songs, etc.* Minsk, Moscow: Polifakt Publ. (In Russian).
- Nugatov, V. (2000). *Unkind Muse*. Moscow: Avtokhton Publ. (In Russian).
- Ocheretyansky, A. (1993). No and can't be... *Five poets of the "Draft": A. Tat, S. Biryukov, O. Prokofiev, A. Ocheretyansky, A. Gornon* (pp. 1–8). New York, St. Petersburg. (In Russian).
- Okhapkin, O. (2014). *Philosophical lyrics*. St. Petersburg: Russkaya kul'tura Publ. (In Russian).
- Parshchikov, A. (2018). *Minus-ship*. Moscow: RIPOL CLASSIK Publ. (In Russian).
- Patashinskii, D. (2008). *Random mail*. Moscow: Vodolei Publ. (In Russian).
- Pavlova, V. (2011). *The namesake: poems 2008–2010; Children's albums: non-children's poems*. Moscow: AST Publ., Astrel' Publ. (In Russian).
- Petrov, S. (2008). *Collected poems: in 2 books. Book 1*. Moscow: Vodolei Publ. (In Russian).
- Polyakov, A. (2000). *Orthographic minimum*. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ. (In Russian).
- Prigov, D. A. (1996). Collected poems. Vol. 1: 1 – 153. 1963–1974. *Wiener Slawistischer Almanach*, 42. (In Russian).

- Парщиков, А. (2018). *Минус-корабль*. Москва: РИПОЛ Классик.
- Паташинский, Д. (2008). *Случайная почта: стихотворения*. Москва: Водолей Publishers.
- Петров, С. (2008). *Собрание стихотворений: в 2 кн. Кн. 1*. Москва: Водолей Publishers.
- Поляков, А. (2000). *Орфографический минимум: книга стихотворений*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Пригов, Д. А. (1996). Собрание стихов. Т. 1: № 1 – 153. 1963–1974. *Wiener Slawistischer Almanach*, 42.
- Пригов, Д. А. (1997а). *Подобранный Пригов*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Пригов, Д. А. (1997б). *Написанное с 1975 по 1989*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Пригов, Д. А. (1998). *Написанное с 1990 по 1994: поэзия*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Рябинов, К. (1994). Гляньте в дырочку лукаво... *Летов Е., Дягилева Я., Рябинов К. Русское поле экспериментов: стихи* (с. 286). Москва: Дюна.
- Савушкина, Н. (2015). *Небесный лыжник: книга стихов*. Санкт-Петербург: Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга, Геликон Плюс.
- Сапгир, Г. (2024). *Людоед и Принцесса, или Всё наоборот*. Москва: АСТ.
- Сапего, М. (1999). Девочка кушала курочку... *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 71). Санкт-Петербург: Канон.
- Саратов, Г. (1988). Великосветский мученик... *Монатоль: литературно-художественный журнал*, 1.
- Сен-Сеньков, А. (1997). *Тайная жизнь игрушечного пианино: стихи*. Москва: АРГО-РИСК.
- Скородумова, Ю. (1993). *Чтиво для пальцев: стихи*. Москва: АРГО-РИСК.
- Соснора, В. (2018). *Стихотворения*. Санкт-Петербург, Москва: Изд-во Союза писателей Санкт-Петербурга, РИПОЛ Классик, Пальмира.
- Степанова, М. (2001). *Песни северных южан*. Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications.
- Степанова, М. (2017). *Против лирики: стихи 1995–2015*. Москва: АСТ.
- Строчков, В. (2006). *Наречия и обстоятельства: 1993–2004: сборник*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Сунцова, Е. (2006). *Давай поженимся: стихи*. Москва: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna Publications.
- Твардовский, А. (1987). По праву памяти: стихи. *Новый мир*, 3, 190–203.
- Туркин, А. (2002). *Точка сингулярности (О природе физических тел)*. Москва: ОГИ.
- Фуников, И. (1989). Послание дворянина к дворянину. *Виршевая поэзия (первая половина XVII века): сборник* (с. 23–24). Москва: Советская Россия.
- Prigov, D. A. (1997а). *Collected Prigov*. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
- Prigov, D. A. (1997b). *Written from 1975 to 1989*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).
- Prigov, D. A. (1998). *Written from 1990 to 1994*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).
- Ryabinov, K. (1994). Look in the hole slyly.... *Letov E., Diagileva Y., Riabinov K. Russian field of experiments* (p. 286). Moscow: Dyuna Publ. (In Russian).
- Sapego, M. (1999). The girl was eating a chicken... *Mit'ki. Selected: collection* (p. 71). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).
- Sapgir, G. (2024). *Ogre and Princess, or Everything on the contrary*. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Saratov, G. (1988). Magnificat martyr.... *Monatol: a literary and art magazine*, 1. (In Russian).
- Savushkina, N. (2015). *Heavenly skier*. St. Petersburg: St. Petersburg Writers' Union Publ., Gelikon Plus Publ. (In Russian).
- Sen-Senkov, A. (1997). *The secret life of a toy piano*. Moscow: ARGO-RISK Publ. (In Russian).
- Shagin, D. (1999а). Lovely veteran. *Mit'ki. Selected: collection* (p. 74). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).
- Shagin, D. (1999b). A little box. *Mit'ki. Selected: collection* (p. 72). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).
- Shagin, D. (1999c). Cute Icarus. *Mit'ki. Selected: collection* (p. 72). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).
- Shcherbakov, M. (1990). *Cherry jam*. Moscow: MKS-Plus Publ., Moscow City Central Tourist Club Publ. (In Russian).
- Shinkarev, V. N. (1999). *Mit'ki. Selected: collection* (pp. 11–70). St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian).
- Shish Bryansky (2001). *In the gentle smoke*. Tver': Kolonna Publ. (In Russian).
- Skorodumova, Yu. (1993). *Poor reading for fingers*. Moscow: ARGO-RISK Publ. (In Russian).
- Sosnora, V. (2018). *Poems*. St. Petersburg: St. Petersburg Writers' Union Publ.; Moscow: RIPOL CLASSIK Publ., Pal'mira Publ. (In Russian).
- Stepanova, M. (2001). *Songs of the northern southerners*. Moscow: ARGO-RISK Publ.; Tver': Kolonna Publ. (In Russian).
- Stepanova, M. (2017). *Opposed lyricism: verses 1995–2015*. Moscow: AST Publ. (In Russian).
- Strochkov, V. (2006). *Adverbs and circumstances: 1993–2004*. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian).
- Suntsova, E. (2006). *Let's get married*. Moscow: ARGO-RISK Publ.; Tver': Kolonna Publ. (In Russian).
- Tsvetkov, A. (2015). *All this, or That's all: collected poems in 2 vols. Vol. 2*. New York: Ailuros Publ. (In Russian).
- Turkin, A. (2002). *Point of singularity (On the nature of physical bodies)*. Moscow: OGI Publ. (In Russian).

- Цветков, А. (2015). *Всё это, или Это всё: собрание стихотворений: в 2 т. Т. 2*. New York: Ailuros Publishing.
- Шагин, Д. (1999а). Одинокий ветеранушка. *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 74). Санкт-Петербург: Канон.
- Шагин, Д. (1999б). Коробушка. *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 72). Санкт-Петербург: Канон.
- Шагин, Д. (1999в). Икарушка. *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 72). Санкт-Петербург: Канон.
- Шинкарев, В. Н. (1999). *Митьки. Выбранное: сборник* (с. 11–70). Санкт-Петербург: Канон.
- Шиш Брянский (2001). *В нежном мареве: стихотворения*. Тверь: Колонна Publications.
- Щербаков, М. (1990). *Вишневое варенье: для пения (соло, ансамбль) с буквенно-цифровым обозначением сопровождения*. Москва: МКС-Плюс, Моск. гор. центр. турист. клуб.
- Юрьев, О. (2021). *Собрание стихотворений: в 2 т. Т. 1*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Яснoв, М. (1990). *Неправильные глаголы*. Москва: Прометей.
- Tvardovsky, A. (1987). By the right of memory. *Novy Mir*, 3, 190–203. (In Russian).
- Vaneyan, E. (2018). *Different colors of wool: poems 2010–2018*. New York: Ailuros Publ. (In Russian).
- Vatutina, M. (2011). *The draw*. St. Petersburg: Gelikon Plus Publ. (In Russian).
- Vorkunov, A. (1995). *Trojan cat*. Moscow: Akademia Publ. (In Russian).
- Voronezhsky, R. (1998). *On the way to the bakery*. St. Petersburg: Gelikon Plus Publ. (In Russian).
- Wul'f, O. (2014). From the series "The Resettlers". *Sides of the world*, 15, 12–20. (In Russian).
- Zondberg, O. (1997). *The book of confessions*. Moscow: ARGO-RISK Publ. (In Russian).
- Yasnov, M. (1990). *Irregular verbs*. Moscow: Prometei Publ. (In Russian).
- Yuryev, O. (2021). *Collected poems: in 2 vols. Vol. 1*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Зубова, Л. В. (2025). Диминутивы в словотворчестве современных поэтов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(15), 9–52. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1\(15\)-9-52](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-9-52)

For citation:

Zubova, L. V. (2025). Diminutives in the word creation of modern poets. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(15), 9–52. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1\(15\)-9-52](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-9-52) (In Russian).